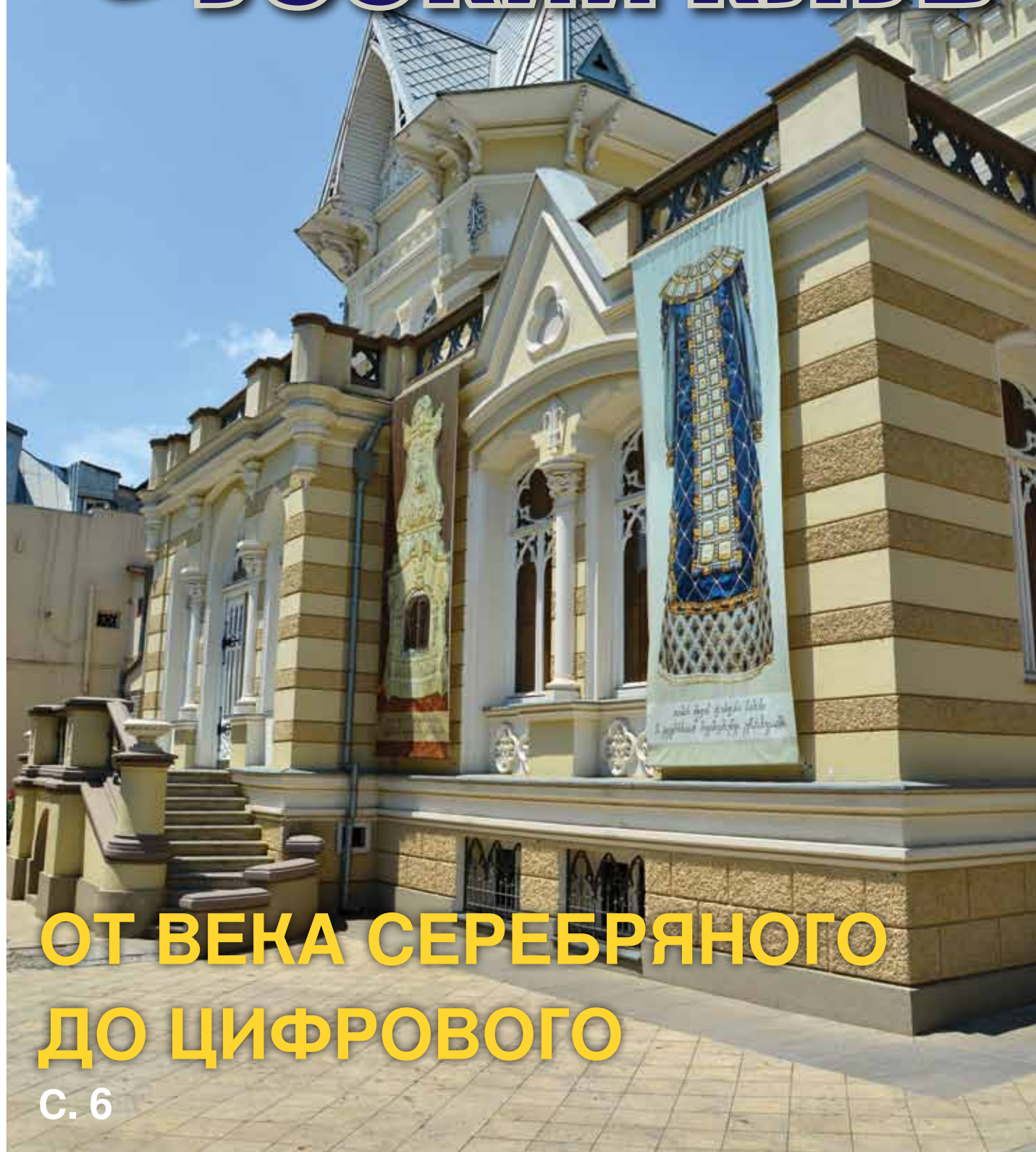

№6
Июнь 2017

РУССКИЙ КЛУБ

ОТ ВЕКА СЕРЕБРЯНОГО
ДО ЦИФРОВОГО

С. 6

Мир без преград

8 (800) 200-77-99

звонок по России бесплатный

www.vtb.ru

ОАО Банк ВТБ. Генеральная лицензия Банка России № 1000

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ
Донара КАНДЕЛАКИ
Вера ЦЕРЕТЕЛИ

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Корректор
Марина МАМАЦАШВИЛИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
ЗУРАБ АБАШИДЗЕ
ВАЖА АЗАРАШВИЛИ
НАНИ БРЕГВАДЗЕ
ГУДЖА БУБУТЕИШВИЛИ
ГОГИ КАВТАРАДЗЕ
РОИН МЕТРЕВЕЛИ
ИРМА СОХАДЗЕ
ГУЛБАТ ТОРАДЗЕ
ДЖАНСУГ ЧАРКВИАНИ

Армения
КАРИНЭ ХАЛАТОВА

Беларусь
ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА

Великобритания
КНЯЗЬ НИКИТА ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Израиль
ДАВИД МАРКИШ

Россия
ЗАУР КВИЖИНАДЗЕ
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ
ЕЛЕН ДОРИС

США
АЛЕКСЕЙ ЦВЕТКОВ

Франция
ГРАФ ПЕТР ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
С-24

РУССКИЙ КЛУБ

№6 (140)
Июнь 2017

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 ОТ ВЕКА СЕРЕБРЯНОГО ДО ЦИФРОВОГО
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 13 НЕ ПОТЕРЯЙ СВОЮ ЗВЕЗДУ
ИРИНА ВЛАДИСЛАВСКАЯ
- 18 ТЕ ИМЕНА, ЧТО ТЫ СБЕРЕГ
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 24 ШВАБЫ ИЗ БАДЕН-ВЮРТЕМБЕРГА. ГРУЗИНСКАЯ СТРАНИЦА
МЕДЕЯ АМИРХАНОВА
- 27 «АЛЖИР»
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 32 ВЕЧНЫЙ ГИКОР, ПОКА МИР СТОИТ
СВЕТЛАНА ИОСЕЛИАНИ
- 34 И МЯГКО КИСТЬ СКОЛЬЗИТ, СОЕДИНЯЯ ВРЕМЯ
МАРИНА МАМАЦАШВИЛИ
- 39 ВОСПОМИНАНИЯ
ГАННА ЭЛИАВА-МАЛИЕВА
- 44 СЛУЖЕНИЕ МУЗЫКЕ
МАРИЯ КИРАКОСОВА
- 50 КАПИТАН «ЗОЛОТОЙ» КОМАНДЫ
ДЕМИКО ЛОЛАДЗЕ
- 54 СПОРТ ДАРИТ РАДОСТЬ ОБЩЕНИЯ
АЛЕКСАНДРА АНИСИМОВА

На обложке – Здание Музея театра, музыки и кино

Фото **Александра Сватикова**

ОТ ДО

■ Роб АВАДЯЕВ

ПРОКУРАТОР ВСЕЯ РУСИ

Его так называли современники. Да и в историю России он вошел не самой привлекательной фигурой – абсолютный консерватор и политический интриган. «Серый кардинал», имевший неограниченное влияние на самого царя. Советские историки сравнивали его с «теневым генсеком» брежневских времен Михаилом Сусловым. Речь идет о всеильном обер-прокуроре Святейшего Синода Константине Победоносцеве, которому 2 июня исполняется 190 лет со дня рождения. В энциклопедиях его скромно именуют государственным и политическим деятелем, а также ученым и публицистом. Но согласитесь, какой ученый или публицист обладал целым «иконостасом» высших орденов Российской империи: Св. Александра Невского с алмазными знаками, Св. Владимира I степени и даже высшим орденом Св. Андрея Первозванного, с алмазными же знаками. А ведь это был не родовитый вельможа, не прославленный военачальник, а абсолютно гуманитарный человек, не «нюхавший пороху», по современному «батан» – потомственный интеллигент, выходец из «мелкопоместных». Сын профессора и сам молодой профессор, Победоносцев был замечен Двором «чуть за тридцать». Он стал преподавать законоведение сначала одному будущему императору Александру III, а затем и Николаю II. Наверное, Константин Петрович был хорошим учителем, во всяком случае, авторитетным. Его подопечные императоры сохранили к нему уважение и доверие на всю жизнь. Влияние

этого невзрачного человека на судьбы страны трудно переоценить. Именно его перу принадлежат важнейшие царские указы своего времени и, в частности, манифест «О незыблемости самодержавия» 1881 года. Он был на самой вершине власти более четверти века. Победоносцева страстно ненавидела вся просвещенная Россия, считая законченным мракобесом. Как его только не называли: «злой упырь», «бесцветная моль», «бессердечный паук», «лопоухий Кощей Бессмертный».

ЗОЛОТОЙ ГОЛОС АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО СОЛОВЬЯ

Прозвищем Бюльбюль (по-азербайджански соловей) уроженца села Ханбагы в окрестностях Шуши – города с большими культурными традициями – называли еще в детстве. У мальчика по имени Муртуза, сына кожевника Мешади Рзы и его жены Гехар из рода кочевников-курдов, оказались исключительные музыкальные способности и феноменальный голос. Это прозвище на всю жизнь станет его сценическим псевдонимом. В двенадцать лет родители его перевезли в Гянджу, где им заинтересовались профессиональные исполнители мугамов-ханенде – они несли людям высокую азербайджанскую поэзию Низами, Физули, Насими и др. Маленький Бюльбюль обещал вырасти в великого ханенде. Но он пошел гораздо дальше – став революционером и создателем новой певческой традиции вокального искусства своего народа. Он закончил к тридцати годам Бакинскую консерваторию у профессора Н.И. Сперанского. А затем стажировался четыре года

в миланском «Ла Скала» у выдающихся педагогов Ансельми и Грани. В итоге он стал первым певцом с восточной спецификой пения, который освоил европейскую школу и классическое бельканто. Бюльбюль был с восторгом принят в своей стране, став любимейшим певцом – как оперным, так и народным, победителем многих конкурсов, обладателем всевозможных лауреатских дипломов, кавалером орденов. А еще он был гениальным педагогом, воспитавшим плеяду талантливых учеников. Создал оперную студию, кабинет звукозаписи, нотное издательство, специальный класс сольного пения. Собирал

национальный фольклор, организовывал музыкальные форумы в Азербайджане для выявления молодых талантов, проводил, как в древности, съезды ашугов – музыкальных соревнований певцов-импровизаторов. И до самых своих последних дней Бюльбюль был активным исполнителем в концертах классической и народной музыки. 22 июня исполняется 120 лет со дня рождения этого выдающегося Творца.

«ВЕКА МИНУВШЕГО ЗЭК»

Варламу Шаламову – автору пронзительных «Колымских рассказов» исполняется 110 лет со дня рождения. Этому сыну священника прогрессивных взглядов и учительницы, бывшему студенту выпала суровая и печальная судьба. Шаламова арестовали за распространение ленинского «Письма к съезду» в 1929 году. Так он стал узником сталинского ГУЛАГа, где выжить было трудно, работать много, постоянно голодать, мерзнуть, болеть, терять человеческий облик. Быть пятном в безликой серой многомиллионной массе хронически утомленных и истощенных

людей, занятых на «стройках века», лесоповале, в шахтах, карьерах, золотых приисках. Шаламов считал, что сталинские репрессии совсем неслучайны, что «идет планомерное истребление целой «социальной» группы – всех, кто запомнил из русской истории последних лет не то, что в ней следовало запомнить». Ему неоднократно добавляли срок – в последний раз за то, что неосторожно при стукаче назвал Ивана Бунина русским классиком. Но ему все же немного повезло – Шаламов стал фельдшером – и это позволило ему выжить в «колымском аду». Но главный свой подвиг Варлам Тихонович совершил уже после освобождения – он описал страшную лагерную жизнь, оставив письменное свидетельство исторической катастрофы судеб жертв Большого террора. И то, как он написал свою прозу – это гениально. «Колымские рассказы» вошли в сокровищницу русской литературы.

«ВЕЧНЫЙ МОТ ДУШЕВНЫХ СОКРОВИЩ»

Так охарактеризовал Константин Бальмонта Андрей Белый, но тут же добавил: «Получит – и промотает, получит и промотает. Он отдает их нам... Но сам он не вкушает от своего творчества». Сам Константин Дмитриевич о себе несколько нескромно писал: «Я – изысканность русской медлительной речи...». Владимир Маяковский же называл Бальмонта вкупе с Северяниным «фабрикантами патоки», Блок говорил о «чрезмерной пряности». А наш недавно ушедший современник Евгений Евтушенко считал: «...у Бальмонта было предостаточно кокетливой пувоватой звукописи, «красивоватости». Но категоричнее всех, и, пожалуй, точнее определила Марина – гениальная Цветаева: «Если бы мне дали определить Бальмонта

одним словом, я бы, не задумываясь, сказала: Поэт...».

Согласимся с ней и мы. Константин Бальмонт – это суть образа идеального Поэта. И талантом, и необычностью, и революционностью, и житейской беспомощностью, с неоднократными попытками самоубийства и постоянными страданиями по прекрасным поклонникам. Но отличала его феноменальная трудоспособность, образованность, знание языков. Он объездил весь свет и сумел отразить в творчестве все разнообразие мира. При этом он так и остался «иноземцем» в русской литературе – заморским гостем, рассыпающим драгоценные камешки и расстилающим прекрасные персидские ткани. Ему 16 июня исполняется 150 лет со дня рождения. И мы будем вспоминать его блистательные, звенящие строки. Да и сам он считал, что до него «в целом, не умели в России писать звучных стихов». А еще он был гениальным переводчиком Блейка, Эдгара По, Теннисона, Уайльда, Бодлера. А после поездки в Грузию в 1914 году он изучил грузинский язык и перевел поэму Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», считая ее лучшей поэмой о любви, когда-либо созданной в Европе.

ЮБИЛЕЙ ГЕНЕРАЛА ЕРМОЛОВА

В самом начале июня 1777 года в стольном граде Москве родился выдающийся военачальник Алексей Ермолов. Он не был особенно родовитым и происходил из небогатых орловских дворян. И, будучи с рождения записанным унтер-офицером лейб-гвардии Преображенского полка, не имел другой судьбы, кроме военной карьеры. Ему даже довелось служить под началом самого Суворова в польской компании, где Ермолов и получил свой первый орден Святого Георгия 4-й степени. Принимал участие в персидском походе, наполеоновских битвах под Аустерлицем, Прейсиш-Эйлау, Смоленском и Бородино. А

на совете в Филях даже перечил Кутузову, приказавшему оставить Москву. А в 1814 году брал Париж. Именно ему Император поручил написать соответствующий манифест. Вообще с царями герою не очень везло. От них, как вспоминали, он «претерпевал незаслуженные и жестокие обиды». Алексей Петрович пережил четырех императоров, и двое из них его не очень-то жаловали. Отец и сын – Павел Петрович и Николай Павлович. Но хитроумный, как Улисс Александр I не дал пропасть воинским и человеческим талантам Ермолова. Он назначил Ермолова командиром Отдельного грузинского корпуса и положил начало завоеванию Кавказа. Генерал Ермолов взялся за дело со всем усердием. Он предпо-

читал во всем основательность без «штурма и натиска» – строил крепости, «обкладывая» мятежные районы, уговаривал местных вождей, склоняя их к «царской службе». Не любил и карательных рейдов. Горцы его, что естественно, ненавидели, но по своему уважали: «Ярмол один был, с кем можно было и воевать, и говорить честно». Силой оружия, хитростью и дипломатией Ермолов добивался покорности Имеретии и Гурии, Мингрелии и Абхазии, Ширвана и Карабахского ханства. Конечно, с исторической и этической точки зрения, Ермолов был завоевателем, но по-человечески он не был жестоким. Его ставкой был Тифлис, и он первым начал перестраивать его с любовью. «Старый город пересекли новые прямые улицы, по их сторонам выросли дома пригожей европейской архитектуры, в центре Тифлиса зазеленел сад с лампами». За свою военную командировку в Персию Ермолову полагалась немалая сумма. А он на нее построил в Тифлисе госпиталь. Вот такой был первый усмиритель Кавказа. А еще Ермолов был двоюродным братом поэта-партизана Дениса Давыдова.

Участники фестиваля у храма Джвари. Мцхета

ОТ ВЕКА СЕРЕБРЯНОГО ДО ЦИФРОВОГО

■ **Инна БЕЗИРГАНОВА**

Для представителей среднего и старшего поколений с авторской (бардовской) песней связана романтика походной жизни, посиделки на кухне в кругу друзей, неформальное общение с близкими по духу людьми, исповедальная или ностальгическая интонация, иронический или сатирический взгляд на окружающую реальность. В любом случае это – сокровенное, очень личное высказывание. О том, о чем невозможно не сказать, чем нельзя не поделиться...

ОТ АЗЕРБАЙДЖАНА ДО ЭСТОНИИ

Четыре дня в Тбилиси звучала эта неповторимая интонация авторской песни – в третий раз Международный культурно-просветительский союз «Русский клуб» при поддержке фонда «Русский мир» собрал в столице Грузии лучших представителей этого жанра из Азербайджана, Армении, Беларуси, Германии,

Израиля, Латвии, России, Украины, Чехии и Эстонии. Они выступали в Тбилиси – на большой и малой сценах театра им. А.С. Грибоедова, в художественной галерее «Iart», бутик-отеле «Vinotel», в Рустави – в театральной студии «Зеркало».

Это были незабываемые вечера и встречи. Кого-то из гостей мы видели впервые. Другие уже принимали участие в Тбилисском фестивале. Среди «новичков» – музыкант, актер, режиссер, драматург, тележурналист, участник международных проектов «Планета Высоцкого» и «Мир Окуджава» Иржи Вондрак из Чехии. На одном из концертов он рассказал о том, как в начале 90-х познакомился с Булатом Окуджава, пригласил его в Чехию... Огромный интерес И. Вондрака к творчеству поэта выразился в переводах его стихов на чешский язык. По признанию гостя, больше всего он любит военные баллады Булата Окуджава. Они и прозвучали в Малом зале

театра имени А.С.Грибоедова – «Старинная солдатская песня», «Бумажный солдат». Вторую балладу Иржи Вондрак исполнил вместе со своим другом и коллегой, автором-исполнителем бардовской песни Алексеем Кудрявцевым. Последний, известный как исполнитель песен Владимира Высоцкого, предложил свою трактовку «Зарисовки о Париже» и авторскую, очень грустную песню «Эмигрантская» – уже в названии заложена тема одиночества и неприкаянности.

Вновь (они уже были участниками Тбилисского фестиваля) захватили публику своим оптимизмом и жизнеутверждающей, бодрой интонацией поэт Дмитрий Кимельфельд (Израиль) и композитор, мультиинструменталист Дмитрий Бикчентаев (Россия) – обаятельный дуэт, развивающий лучшие традиции бардовской песни. Прозвучавшие в их исполнении «Черниговский водевиль», «Старинная пиратская песня», «Божья коровка – красный самолет», «Песня о счастье» – это классика жанра! Два Дмитрия к этому вечеру подготовили еще один сюрприз – исполнили песню «О чем поешь ты, друг щегол?», посвятив ее главному редактору журнала «Русский клуб» Александру Сватикову. Это стало вы-

ражением особого расположения.

В Тбилиси приехал еще один яркий представитель авторской песни из России – москвич Михаил Кочетков. Поэт, автор иронических и юмористических песен. На поверхностный взгляд, лирический герой Михаила Кочеткова – остролов и балагур, прожигатель жизни, который крепко «дружит» с бутылкой. Но, как пишет о нем Бэла Гершгорин, «Михаил Кочетков – трагический поэт, в этом нет никакой искусственной драматизации. Существование единства противоположностей в одной отдельно взятой душе не есть нечто исключительное». Тбилисцы открыли для себя оригинального, искусного в поэтическом ремесле автора, в творчестве которого соединяется ерничество, «кухонный» юмор с самоиронией, своеобразным романтизмом и глубокой философией. При всем различии творчества Михаила Кочеткова и Вениамина Ерофеева в сознании возникла какая-то параллель между некоторыми стихами московского барда и поэмой в прозе «Москва – Петушки».

В то же время кочетковская «Баллада о печальном скрипаче» – это, скорее, развитие традиций Булата Окуджавы... Это любимая многими песня – о том, как не сбываются мечты и как страшно прожить чужую жизнь, по навязанному тебе кем-то сценарию.

Россию представил также калининградский менестрель Александр Ванин – автор и исполнитель, сочиняющий песни на свои и чужие стихи. В этот раз прозвучали песни на стихи Иосифа Бродского («Письмо в оазис»), Олега Корнеевца («Романтик»), Григория Поженяна («А мне опять с тобой невесело»). Импонирует, если так можно выразиться, меланхолическая манера исполнения Ванина, удачный, тонкий выбор стихов, близких ему по духу, по сути, музыкальность.

Впечатлила публику гостья из России Эльмира Галеева, обладающая необыкновенно богатым голосом густого тембра и своеобразным стилем пения. Оригинальная певица – она также автор музыки к стихотворениям

Блока, Ахматовой, Цветаевой, Мандельштама, Гумилева, Георгия Иванова, Бродского, Рейна, Тарковского. В ее необычном, глубоком исполнении прозвучал «Тифлис» Мандельштама – эту песню считают визитной карточкой Эльмиры Галеевой.

Беларусь вновь представил Александр Баль, поэт, популярный автор стихов и песен, музыки к спектаклям Могилевского областного драматического театра, исполнивший в Тбилиси свои лучшие песни – драматические, наполненные тревожными предчувствиями и размышлениями о бренности бытия, а также любовные, юмористические. Из наиболее известных – «Трень-брень», щемящее лирическое высказывание Александра Баля.

Из Украины (Донецк, Запорожье) приехал Вадим Гефтер. Его песни, по собственной оценке автора и исполнителя, – это реакция на происходящее в мире и собственной жизни. «Они чаще публицистичны, чем поэтичны, и напоминают стихотворно-музыкальные коллажи, наделенные социальной сатирой и житейским юмором». Гефтер спел песню «о том, что любить не поздно», а затем исполнил чудесный юмористический «Монолог Паниковского» – небезызвестного персонажа из «Золотого тельца» Ильфа и Петрова.

Исполнитель и автор музыки Александр Бекназаров, порадовавший публику приятным вокалом, представил Латвию. Его песня (на стихи Шарля Азнавура) «Пианино» в авторском исполнении очаровала! Приехавший из соседней Эстонии Тимур Фишель предложил свою трактовку популярных песен из кинофильмов «Женя, Женечка и «Катюша», «Ярославна – королева Франции», «О бедном гусаре замолвите слово» (авторы стихов – Булат Окуджава, Юлий Ким) – его выступлению в Малом зале театра Грибоедова также сопутствовал успех.

Автор песен, режиссер кино и телевидения, сценарист, продюсер Джавид Имамвердиев из Азербайджана – известная фигура в сфере бардовской песни, страстный пропагандист этого жанра. Среди исполненных им в Тбилиси песен было и посвящение Булату Окуджаве. Запом-

нились такие слова: «Лишь он, как бумажный воин, на страже Земли стоит...». В Грузию приехала еще одна гостья из Баку – совсем еще молодая голосистая Вафа Мамедова.

Если Джавид уже был участником Тбилисского фестиваля, то бард из Армении, автор и исполнитель, сценарист, актер, кинорежиссер, художник и мыслитель Вахтанг Арутюнян, стремящийся «среди штормов себя найти», впервые представил свои романтические песни с «морскими» метафорами. Не случайно организованный им фестиваль авторской песни называется «Парус надежды».

А талантливые гости из Германии, автор музыки на стихи разных поэтов Михаил Гантман и исполнитель Ольга Васильева, показали музыкально-драматическое представление – точнее, отрывки из него. Оно называется «Дневник неудачника, или Стыдно быть несчастливым» А. Володина. Молодые артисты произвели яркое впечатление.

Но еще больше сохранилось в памяти выступление Михаила Гантмана на концерте, посвященном Дню Победы, – этот

Н.Н. Свентицкий на гала-концерте

Ирма Сохадзе

вечер стал кульминацией фестиваля авторской песни. Гантман так сильно, со сдержанной эмоцией, исполнил свою песню на стихи Бориса Слуцкого «Лошади в океане», что невозможно было сдержать слез – стихотворение основано на реальных событиях 1942 года... «Борис Слуцкий написал его буквально за двадцать минут. И даже не вносил потом правку. Потому и родилась такая музыка», – рассказал Михаил Гантман.

Концерт, посвященный Дню Победы, прошел в Большом зале театра имени А.С. Грибоедова. Прозвучали как песни на военную тему, так и произведения, не связанные с праздничной датой.

Особенно хочется отметить участие в фестивале представителей авторской песни Грузии. Украшением концертов стала джазовая и поп-певица, поэт и композитор Ирма Сохадзе. Она выступила как в роли ведущей, так и в качестве артистки. На праздничном концерте она исполнила песню Булата Окуджавы «До свидания, мальчики», а на другом – свои песни на стихи изумительного лирика (и драматурга) Инги Гаручава. И то, и другое было встречено с восторгом – публика, как всегда, высоко оценила музыкальность и утонченный артистизм Ирмы Сохадзе.

Публика отметила барда Ирину Парошину. Ее искренние, глубокие песни, как правило, имеют успех, заворачивают. Их

слушают с замиранием сердца: Ирина отличается «лица необщим выраженьем» – индивидуальностью, что встречается не так уж часто.

Всегда интересен интеллектуал Роб Авадьяев, один из организаторов фестиваля, тонкий знаток и пропагандист авторской песни. Если так можно выразиться, теоретик и практик жанра. Он проникновенно исполнил свою песню на стихи Вениамина Жака, посвятив ее памяти ушедших, затем – «На сопках Маньчжурии. Памяти Зоценко» на стихи Александра Галича. Эта песня была подана Робом Авадьяевым с большой трагической силой. В дни фестиваля мы услышали «Трамвайную вишенку» Роба Авадьяева на стихи Мандельштама в прекрасном

Дмитрий Бикчентаев и Роб Авадьяев

исполнении Михаила Гантмана.

Среди участников фестиваля был и актер театра им. А.С.Грибоедова Олег Мчедlishvili, которого ценят не только за интересные роли, но и за оригинальную поэзию, авторские песни. Слушатели прониклись его неспешными размышлениями, наполненными печалью и тревожными предчувствиями. На праздничном концерте актер исполнил знаменитую песню Матвея Блантера «Враги сожгли родную хату».

Песни в исполнении продюсера, режиссера телевидения, тележурналиста, поэта Гоги Чкония, автора и исполнителя Вахтанга Арошидзе и его сына Георгия, автора и исполнителя Зуры Закариадзе (Папы), поющего только на грузинском языке, Левона Мирзояна дали пищу для размышлений, заставили задуматься о смысле бытия, о быстро текущей жизни, о любви и дружбе, войне и мире, судьбах родины и близких людей.

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

В информационном агентстве и радио «Sputnik Грузия» прошла пресс-конференция, в которой приняли участие Дмитрий Кимельфельд, Дмитрий Бикчентаев, Джавид Имамвердиев и Роб Авадьяев. Вела встречу Нази Жоржолиани. Ее участники поделились впечатлениями от Тбилисского фестиваля авторской песни.

Дмитрий Кимельфельд

Джавид Имамвердиев

Дмитрий Бикчентаев

Александр Ванин

Ольга Васильева и Михаил Гантман

Вадим Гефтер

Эльмира Галеева

Александр Баль

Алексей Кудрявцев и Иржи Вондрак

Дмитрий Кимельфельд:

– Незабываемые ощущения – прежде всего, доброжелательность. Именно в этой атмосфере рождается то, что нас объединяет. Самое главное для человека, который пишет, – его настроенность на определенную волну, стремление уловить то, что сегодня интересно и как это выразить словами, музыкой. Поэтому подобные встречи совершенно неоченимы. Эхо от этого фестиваля распространилось очень широко. Вместе с Дмитрием Андреевичем Бикчентаевым мы два года назад зарядили в Тбилиси серию песен, которые не заканчиваются... На нынешнем фестивале состоялся концерт, посвященный 9 Мая. Вообще от этого праздника двойственное ощущение. Но то, что было в Тбилиси два года назад и произошло сейчас, – по-настоящему прекрасно: это были концерты высочайшего вкуса. Ни грамма патетики, ни грамма фальши. Для меня самое страшное ощущение – лицемерие и ложь!

В Тбилиси все было изысканно, деликатно и на достойном художественном уровне.

Дмитрий Бикчентаев:

– Тбилисский фестиваль два года назад меня настолько приятно поразил, что я предсказал: он создаст какой-то туристический поток. И мое пророчество сбылось! Мы много путешествуем с концертами вместе с Дмитрием Кимельфельдом, и хотя живем в разных государствах, воссоединяемся в других странах и городах. Среди самых выдающихся фестивалей, которые мы посетили, мы обязательно отмечаем тбилисский. Мы говорим и о стране, совершенно выдающейся в туристическом, культурном, эстетическом планах, а также своим гостеприимством, архитектурой, искусством. По доброте, которая читается в глазах людей. И эти наши рассказы приводят к тому, что ребята приезжают сюда с туристической миссией. А потом говорят, что в Грузию нужно возвращаться еще и еще. Приезжать на этот

фестиваль, который блестяще проводится. Просто для того, чтобы послушать его песни, в Грузию приехали два человека из России, три человека из США, причем в числе приехавших из этой страны был Володя Блейк, входящий в организационный костяк фестивалей авторской песни США.

Роб Авадьяев:

– Шестая часть публики в Малом зале театра Грибоедова – это были приехавшие на свои средства зрители из разных стран. Они подгадали свое отпускное время специально, чтобы посетить Тбилиси и этот фестиваль. Судя по всему, эта шестая часть Малого зала скоро вырастет, и в будущем может понадобится большее пространство. Это совершенно очевидно.

Дмитрий Бикчентаев:

– Есть гости, и их немало, специально приехавшие из Израиля, чтобы послушать песни. Я надеюсь, что в дальнейшем сюда потянутся наши друзья

Тимур Фишель

Гога Чкония

Вахтанг Арошидзе

Вахтанг Арутюнян

Александр Бекназаров

Ирина Парошина

Ия Томаш

Анна Кузнецова

Олег Мчедlishvili

из Чехии и других европейских стран. Потому что это просто интересно – оказаться в Грузии! Интересно, что организаторы фестиваля придумали такую замечательную форму, когда один или несколько представителей от разных стран исполняют русскую или русскоязычную авторскую песню, которая зиждется на прекрасных образцах поэзии. Ее основы заложили Владимир Высоцкий, Булат Окуджава, Юрий Визбор, Александр Галич, Александр Городницкий, Сергей Никитин... Этот список довольно велик, и хотелось бы в будущем пропагандировать Тбилисский фестиваль и для столпов, пока они еще живы. Хотелось бы видеть здесь Юлию Кима, Сергея Никитина, Александра Городницкого – звезд нашего жанра. Это было бы большим подарком для города.

Роб Авадьяев:

– В будущем, надеюсь, к нам приедут и звезды жанра. Кстати,

на Тбилисском фестивале выступают и грузинские барды. У нас поют по-грузински, по-армянски, по-чешски, по-литовски и т.д. Словом, наша сцена открыта для песен и на других языках. И публика все понимает, оценивает мастерство исполнителя, то, что он выражает... Интересно проникаться мелодикой другого языка. То есть на фестивале представлен не только русский бардизм.

Джавид Имамвердиев:

– На фестивале авторской песни люди приходят для того, чтобы слушать, прежде всего, на мой взгляд, русскую поэзию. Которую мы, люди разных национальностей, из разных государств, проводим в жизнь, популяризируем.

Дмитрий Бикчентаев:

– Мы очень много путешествуем по разным странам и континентам, а я объездил с концертами 27 стран! И хочу отметить еще и русскую поэтическую

школу Грузии. Ее представляет, к примеру, очень симпатичный поэт Гиви Чрелашвили, эмигрировавший в США. Он прекрасно владеет стихотворной техникой. А в Казани живет Филипп Пираев – шахматист и поэт одновременно, тоже представляющий школу грузинской русскоязычной поэзии. Она определенно имеет свое лицо, особый стиль, язык. Несущие эту традицию поэты живут сегодня в Израиле, Германии. Русскоязычные поэты из Грузии причисляют себя к особой тбилисской поэтической школе и до сих пор поддерживают контакты. Я с интересом слежу за их творчеством.

Дмитрий Кимельфельд:

– Мастер-класс у нас проходил практически с первого вечера фестиваля. Мы сразу стали общаться. Вахтанг Арутюнян из Еревана открыл для меня целый пласт армянской авторской песни. Подарил сборник, в котором порядка 40 авторов, с

дискон, аккордами. Рассказал о том, как этот жанр развивается в его стране. Я сказал ему, что в будущем году постараюсь выбратья в Армению, на Севан, где проходит бардовский фестиваль. Чтобы послушать армянских авторов со сцены, оценить их индивидуальность. Я убежден, что если человек талантлив, то музыка и чувства, которые он несет, понятны любому. Даже не владеющему языком. Прекрасно пообщались с чехом Иржи Вондраком. Это человек, который долгое время занимается переводами поэзии Булата Окуджавы. Поддерживает тесные связи с Ольгой Владимировной Окуджавы. Вондрак подготовил книгу о знаменитом московском барде и уже получил разрешение на ее издание от вдовы Булата Окуджавы. В рамках Тбилисского фестиваля прошли также потрясающие встречи с коллегами из Германии. Очень симпатичные ребята рассказали о концертной деятельности в своей стране. Так что общение здесь происходит постоянно и очень активно. До 3 часов ночи были песнопения, мастер-классы, обмен дисками... Начиная с утра и кончая послеужинными посиделками. В очень удобной гостинице. Спасибо организаторам! Барды не очень прихотливы. Нам не нужно много звезд – достаточно удобства общения. И внутренний дворик, который на территории гостиницы существует, просто замечательный. Я видел, как персонал гостиницы нас очень внимательно слушает, сидит на наших вечерних посиделках... Ничего удивительного: ребята умеют петь, все, кто приехали сюда, – настоящие мастера!

Джавид Имамвердиев:

– Мне кажется, этот колоритный дворик станет героем наших новых песен...

ПОТОК НОВЫХ ТАЛАНТОВ

Роб Авадяев:

– В Тбилиси выступали и представители молодого поколения – кстати, они очень мастеровитые. Их песни гораздо богаче, чем выдавали мы, когда только начинали.

Дмитрий Кимельфельд:

– Месяц назад мы с Дмитри-

В неформальной обстановке

ем Бикчентаевым были на Всероссийском детском фестивале авторской песни в Ульяновске. Представьте себе полуторатысячный зал, в котором сидели несколько поколений, вышедших из Ульяновского клуба авторской песни. Мы сделали финальную фотографию: 160 детей, которые на протяжении трех дней пели песни, начиная с самых любимых нами произведений Высоцкого, Галича, Окуджавы, Кима и кончая совершенно молодыми, с нашей точки зрения, авторами, которые находятся где-то на грани бардрокка, рока, с очень интересными музыкальными достижениями. Нам это действительно не было дано – не имелось таких музыкантов. Сначала были стихи и определенная ритмика. А сегодня творит, например, такой бард Саша Щербина – наверное, именно так должен выглядеть следующий шаг в авторской песне. Щербина блестяще играет. Это некое действие, ироничное и веселое. Есть у Саши Щербины замечательная песня о человеке, который играл на контрабасе – когда она звучит, зал смеется! Семилетний мальчик исполнил в Ульяновске заводную песню Паши Фахрутдинова «Девочка в очках», и зал подпевал. Появились новые сочетания, которые можно и нужно подхватить, если отойти от стандартов классических форм и попытаться заинтересовать этих деток. Им интересно общаться друг с другом уже определенными формулами, им понятным культурным

кодом. И ваш город, связанный с именем Окуджавы, тоже не может не дать новые имена.

Джавид Имамвердиев:

– Вижу, что в наш жанр приходит много молодежи, и я теперь спокоен. Это авторы, работающие в новом стиле или придерживающиеся канонов жанра. На многих фестивалях есть даже отдельная творческая мастерская для детей до 14-15 лет. Приходят и молодые авторы с очень интересной поэзией, и молодые исполнители, даже семейные ансамбли. То же самое с публикой – в зале сидят представители 3-4 поколений... К сожалению, авторская песня не рекламируется. Так случилось, что придумали слово «неформат». И все талантливое – джаз, авторская песня – оказалось за бортом. Если ребенку удастся вырасти в семье, где эта традиция существует, где слушают бардовскую музыку, интерес появляется. Я считаю, что этот жанр много лет убивают. Даже Окуджавы когда-то говорил, что авторская песня благополучно умерла, оставив всего 6-7 имен. Он оказался не прав. И каждый год, каждый день есть тому подтверждение. Жанр продолжается, в него приходит молодежь. Значит, нужна соответствующая государственная политика.

Роб Авадяев:

– У авторской песни есть будущее, потому что она базируется на музыкальных акцентах и музыкальном стиле разных десятилетий. Она начиналась на французской эстраде, по-

Тепло принимала тбилисская публика участников фестиваля

том появились «битлы». Каждое десятилетие новое поколение привносит в авторскую песню новую мелодическую привычку, основу. И мы ждем сейчас новых ребят, которые поют не так, как пели, скажем, в 50-е годы, когда были Визбор и другие, когда выступали представители французской эстрады. Молодые знают совсем другую музыку. Так что бардовское движение не связано с каким-то поэтическим или музыкальным стилем. Оно вбирает в себя очень многие веяния и отличается от других жанров своей направленностью. Если рок обращается к толпе, то бард – к одному зрителю, к каждому в отдельности.

Дмитрий Бикчентаев:

– Искусство, которое не развивается, самоуничтожается. Авторская песня как жанр не самоуничтожается – она видоизменяется. С появлением таких авторов, как Саша Щербина, Григорий Донской, в песню вошли новые штрихи, родился новый язык. Не академический поэтический язык – про костер, палатку, снег и лыжи. Пришли новые, интересные, яркие поэтические образы. Я жду новый поток талантов, и он уже есть. Жду, когда ребята всколыхнут мир. Я прослеживаю в интернете новую поэзию, особенно молодую. Ведь основа авторской песни – помимо стилизаций

музыкальных, все-таки слово... Вначале было слово, а потом приложились аккорды и какие-то мелодии. Так что есть новое поэтическое слово, которому дал возможность развиваться интернет. Поэты общаются внутри своих сайтов. В интернете много ресурсов, куда можно заглянуть и узнать, что поэзия жива и развивается. Проводится много фестивалей – в России, в США, в Грузии, в Азербайджане... Они подстегивают развитие жанра. Всюду происходит обмен мнениями, посиделки. Тот самый толчок развитию нового. Причем ни одна из авторских песен не призывает к национальной или религиозной вражде. Не ведет к нарушению канонов, принятых в разных религиях – будь то мусульманство, иудаизм или христианство. Барды придерживаются тех священных правил, которые были написаны нашими предками.

Дмитрий Кимельфельд:

– Хочу подчеркнуть особенность Тбилисского фестиваля. С моей точки зрения, авторская песня, как и все, что происходит сейчас, идет по пути понимания необходимости эстетического впечатления. Одно дело – петь в ограниченном кругу и совсем другое – когда человек выходит на сцену, особенно если выступление происходит в театре. Это дополнительная ответствен-

ность и удивительный компонент фестиваля. Особые слова благодарности Николаю Николаевичу Свентицкому, который даже просто своим присутствием заставляет человека подтянуться. Почувствовать, что он находится не в палатке, а на сцене блестящего театра.

Джавид Имамвердиев:

– Удивительная вещь – директор грузинского театра стал председателем Ассоциации всех русскоязычных театров мира! Такой уж он деятельный человек – Николай Свентицкий. Если в каждой стране будет такая личность, поддерживающая авторскую песню как явление культуры, это будет прекрасно! В Тбилиси работает профессиональная команда, был осуществлен профессиональный отбор каждого участника, приглашенного на фестиваль, поэтому здесь и собрался цвет жанра.

Поддержала это мнение и **Нино Малышева**, представляющая Культурный центр «Дом Булата» на Арбате:

«Спасибо организаторам: все очень достойно и на высоком исполнительском уровне! Третий фестиваль авторской песни в Тбилиси для меня стал событием и открытием одновременно! Благодарю».

К. Лузиньян-Рижинашвили, В. Бехтиев, Х. Кадария и Г. Базгадзе

ФОТО Рубена Рухяна

НЕ ПОТЕРЯЙ СВОЮ ЗВЕЗДУ

■ **Ирина ВЛАДИСЛАВСКАЯ**

Недавно в Тбилиси была вписана новая страничка в современную главу многовековых грузино-русских отношений.

А началась эта нетипичная история в Москве, в весьма прозаическом месте – в подземном переходе. А завершилась в Тбилиси, в литературном кафе «Парнас» при отеле «Марриотт» на проспекте Руставели.

Однажды известный представитель московской общности и деловой элиты решил пройтись пешком и обратил внимание в подземном переходе на человека, предлагавшего купить не какой-то там захудалый сувенир, а подлинную «Золотую звезду» Героя Социалистического Труда. Первым побуждением бизнесмена было вызвать полицию, но он все-таки переговорил с

торговцем и выяснил, что тот понятия не имеет, чью «Гертруду» перекупил по случаю. Ему было совершенно безразлично, кто и почему расстался с наградой. Такого сорта люди называли Государственную премию «Государыней», а звание Героя Социалистического Труда – «Гертрудой». Подобная фамильярность отнюдь не уменьшала стоимости правительственных наград. Поддавшись внутреннему чувству, Виктор Михайлович Бехтиев приобрел «Золотую Звезду». И тут возникло третье желание – вернуть награду владельцу или его потомкам. По просьбе Бехтиева один из руководителей МВД буквально за два дня установил по номерному знаку, что звание Героя Социалистического Труда и нагрудный знак «Золотая звезда» были присвоены в 1950 году брига-

диру колхоза «Колхида» села Ахалсопели Зугдидского района Раждену Константиновичу Кадария, 1912 года рождения.

То, что разыскиваемый герой оказался грузином, Бехтиев воспринял как знак свыше, поскольку именно в этот период жизни он был тесно связан с Грузией. По его просьбе тбилисский друг, кинопродюсер Гия Базгадзе принялся разыскивать семью Раждена Кадария.

Однако пришло время по всей форме представить Виктора Михайловича Бехтиева. В настоящее время он возглавляет инвестиционно-строительную компанию. Однако широкую известность в обществе заслужил на ниве меценатства. Вместе с супругой Еленой Владимировной Бехтиевой является учредителем Благотворительного фонда имени П.М. Третьякова. Виктор Бехтиев – инициатор учреждения премии имени П.М. Третьякова для музейных сотрудников, учредитель и издатель журнала «Русское искусство», кавалер орденов Святого Даниила и «За заслуги перед Отечеством».

Фонд имени Третьякова осуществляет разнообразные

Виктор Бехтиев в кафе «Парнас»

просветительские проекты, проводит диалоги по культурным взаимосвязям с такими странами, как Франция, Италия, Германия. Апрельский номер журнала «Русское искусство» за 2013 год был посвящен теме «Россия-Грузия. Диалог на языке искусства». Московская и тбилисская презентации номера стали знаковым событием для творческой интеллигенции двух стран. «Русский клуб» освещал эти события, но уместно и сегодня вспомнить, что на московской презентации присутствовали Георгий Тараторкин и Екатерина Маркова, Вадим Абдрашитов и Нателла Тоидзе, Юрий Поляков, Михаил Швыдкой и другие известные деятели культуры. Ведущий вечера – народный артист России Валерий Баринов открыл вечер чтением строф поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре».

Доктор искусствоведения Марина Медзмариашвили, курировавшая проект с грузинской стороны, поблагодарила за возможность представить на страницах журнала тему своего научного исследования, посвященного творчеству художников Д. Какабадзе, Л. Гудиашвили, Ш. Кикодзе, К. Зданевича, Е. Ахвледиани. Доктор философии, журналист Юрий

Вачнадзе, автор статьи о Джордже Баланчине, рассказал о различных аспектах культурного взаимодействия России и Грузии. Выступление кандидата искусствоведения, заведующей научно-исследовательским отделом Музея древнерусского искусства им. Андрея Рублева Лилии Михайловны Евсеевой было посвящено нескольким статьям журнала, раскрывающим тему православия как общего духовного истока искусства России и Грузии», – написано в статье о презентации грузинского номера в журнале «Русское искусство».

Конференц-зал Третьяковской галереи, где проходила презентация, не мог вместить всех желающих: организаторы не ограничились приветственными речами и научными докладами, направленными на сохранение братских традиций, исторически установившихся между Россией и Грузией, но и представили красочную программу, в которой прозвучали грузинское многоголосье, романсы и песни, исполненные Тamarой Гвердцители, сопрано Викторией Гогошвили, стихи о Грузии Бориса Пастернака и Беллы Ахмадулиной. Юные танцоры исполнили на «бис» зажигательные народные танцы. Все

мероприятие сопровождалось видеорядом, который с исключительным художественным вкусом был сформирован на основе иллюстративного материала журнала «Русское искусство».

Тот памятный вечер вернул его участникам чувство надежды, что грузино-российские отношения вернуться в старое, доброе русло, и вместо того, чтобы предаваться ностальгии, народы обеих стран начнут развивать их на новом уровне взаимных интересов культуры, науки, литературы и искусства.

Именно в момент глобального погружения в грузинскую тематику у президента Фонда имени Третьякова возникла коллизия с «Золотой звездой». При первой же возможности посетить Грузию Виктор Бехтиев выполнил задуманное – вернул звезду потомкам героя. Итак, за одним столиком кафе «Парнас» оказались президент Фонда имени Третьякова Виктор Бехтиев, его друзья и деловые партнеры – уроженец Тбилиси, известный московский юрист Константин Лузиньян-Рижинашвили, кинопродюсер Георгий Базгадзе, внук героя соцтруда Хвича Кадария и два представителя прессы, некогда работавшие вместе в газете «Молодежь Грузии» – фотокорреспондент Рубен Рухкян и автор этих строк.

Без долгих предисловий Виктор Михайлович Бехтиев передал Хвиче Кадария «Золотую звезду» и выписки из документов, свидетельствующих, что высшая награда СССР за трудовые достижения была вручена его деду.

– С большим удовольствием возвращаю в семью эту бесценную реликвию, – сказал Виктор Михайлович, пожимая руку внука знатного чаевода.

– У меня нет слов, чтобы выразить свои чувства. Даже не верю в реальность происходящего, – сказал в ответ Хвича по-грузински, а Гия Базгадзе перевел его слова. – Вы сегодня сделали для нашей семьи

невозможное. Не всякий родной брат совершит такой поступок.

– Мы больше, чем братья, – мгновенно отреагировал Бехтиев, – я бы не удивился, если утраченную семейную реликвию моего деда или отца вернул мне кто-то из Грузии.

– На такие поступки способны единицы, – скромно настаивал Хвича.

– Это бы сделал каждый человек чести, каждый, у кого есть душа. Как-то не по-божески, когда награда за подвиги, боевые или трудовые оказывается в чужих руках. Пусть эта звезда теперь навечно останется в стенах родного дома и передается по наследству потомкам.

Рубен Рухкян сделал несколько снимков. Бехтиев предложил поднять тост за возвращение звезды законным владельцам. Перебрав варианты подходящих к случаю напитков, остановились на шампанском. Под звон бокалов были сделаны еще несколько снимков.

В беседе выяснилось, что Хвича лет десять назад перебрался в Тбилиси, но все еще постоянно не трудоустроен, что его отец живет по-прежнему в селе Ахалсопели. Никто не затрагивал тему, как награда оказалась в чужих руках. И так всем было ясно, что не от хорошей жизни. А ведь было время, когда слава чаеводов Грузии гремела на всю огромную страну. Герой Социалистического Труда – высшее звание в СССР за трудовые заслуги – с 1938 по 1991 годы им были удостоены 20 605 человек. И наряду с выдающимися академиками, физиками-ядерщиками, авиаконструкторами, деятелями культуры и искусства эту награду получали за рекордные достижения труженики производства и сельского хозяйства. В списке награжденных «Золотой звездой» с 1948 по 1951 годы числятся несколько знатных чаеводов по фамилии Кадария, уроженцев села Ахалсопели Зугдидского района – Ражден Кадария, супруги Партен Михайлович и Домника Эрастовна Кадария, их дочь Минадора Кадария и приемная дочка Валентина Срибнова. О семье, в которой сразу четыре человека были удостоены «Золотой звезды», писали очерки, снимали документальные фильмы. Партен, Минадора и Домника Кадария у своего автомобиля – такой снимок сохранился в Государственном архиве кинофотодокументов. Эти сборщики собирали более 10 тонн «зеленого золота» с гектара.

У каждого в Грузии есть собственные ностальгические моменты, связанные с грузинским чаем. Кто-то помнит, как осушали болотистые низины Колхиды. Кто-то создавал чаесборочную машину «Сакартвело», чтобы облегчить каторжный труд сборщиков листа. Кто-то на фабриках колдовал над ароматом готовой продукции. Кто-то писал о трудовых победах на плантациях – ежегодно после свалившейся на голову новости «План республики по сбору чая перевыполнен!» – мгновенно пустели редакционные кабинеты – всех срочно командировали в районы Западной Грузии. Чайная отрасль, бывшая одной из визитных карточек Грузии, в годы экономического коллапса пришла в упадок.

Беседа за столиком элегантного «Парнаса» повернулась в сторону недавней истории, и было вслух упомянуто трагичное, холодное и голодное время, когда в Грузии полыхала гражданская война, гибли люди, план-

тации, виноградники, разрушались промышленные комплексы. Вспомнили и о пропавшем гарью январе, когда нынешний пятизвездочный отель «Марriott», а в то время гостиница «Тбилиси» оказалась в эпицентре боев между гвардией первого президента и оппозицией.

– Вот здесь в вестибюле стоял БТР, а с этого тротуара по Дому правительства падали из тяжелых орудий, на крышах залегли снайперы, – вспоминали тбилисцы.

Помолчали. Московский гость проявил профессиональный интерес к восстановленному зданию. Что и понятно: Виктор Бехтиев – строитель в третьем поколении. После окончания строительного техникума он служил в армии, в строительных войсках в Казахстане. Причем в стройбате оказался по совету отца, который предсказал, мол, если закалишься в сложных условиях, то станешь настоящим строителем. Так и получилось. Вернувшись в столицу, Бехтиев поступил на работу в дважды орденоносный трест «Мосжилстрой», в котором за четверть века прошел путь от мастера участка до руководителя предприятия. За эти годы он строил жилые комплексы, а также занимался ре-

конструкцией уникальных объектов, в числе которых значатся: Всесоюзный кардиологический центр, Институт народного хозяйства им. Г.В. Плеханова, Университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Детский музыкальный театр им. Н.И. Сац, Камерный музыкальный театр Б.А. Покровского, Академия живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова, Государственная Третьяковская галерея.

Более сорока назад Виктор Бехтиев встретил девушку своей мечты и предложил ей руку и сердце на второй день знакомства. В семье Бехтиевых выросли два сына. Супруга Елена Владимировна, юрист и искусствовед по образованию, много лет является научным сотрудником Третьяковки. Во многом благодаря безмерной преданности жены любимому делу, Третьяковская галерея и для Виктора Михайловича стала важнейшим объектом всей жизни. Реконструкция в Лаврушинском переулке завершилась, но музей «не отпускал» Бехтиева. После бесконечных разговоров с супругой и ее коллегами о том, что Третьяковка остро нуждается в поддержке общественности, Виктор Михайлович Бехтиев, человек

действия, предложил основать Фонд имени П. Третьякова. Вместе с супругой они стали его учредителями, созданный ими фонд можно назвать семейным детищем.

Основан благотворительный фонд имени Павла Михайловича Третьякова был к 150-летию Государственной Третьяковской галереи. Вот уже несколько лет ежегодно фондом присуждается премия имени П.М. Третьякова «За верность профессии и многолетнее служение русскому искусству», которой награждают музейных сотрудников. Регулярно проводятся в Государственной Третьяковской галерее торжественные вечера, посвященные памяти семьи Третьяковых. На средства Фонда был воссоздан мемориал семьи Третьяковых на Даниловском кладбище, проводятся бесплатные экскурсии по Третьяковке для ветеранов войны и труда, творческих союзов, различных категорий граждан, организуются различные выставки, оказывается разнообразная спонсорская поддержка.

В интервью журналу «Русский клуб» Виктор Михайлович так ответил на вопрос, что же привело строителя на поприще благотворительности:

– Наверно, мне стоит благодарить за любовь к искусству маму, которая привила мне с раннего детства большую любовь к литературе, к поэзии. Интерес к искусству восходит к традициям моей семьи. Конечно, важно и то, что мы с женой – Еленой Владимировной одинаково считаем, что нельзя быть патриотами на словах, надо приносить реальную пользу, пропагандировать культурные традиции. Поэтому одним из важнейших проектов Фонда является журнал «Русское искусство». Журнал под таким названием издавался в 1923 году, через 80 лет мы его возродили. Журнал существует более десяти лет и заслужил прочный авторитет серьезного и актуального издания, благо-

На презентации поэтического сборника Ю. Вачнадзе. Москва

«Золотая звезда» Героя Социалистического Труда вернулась к наследникам

ФОТО Рубена Рухяна

даря деятельности коллектива и его главного редактора Елены Владимировны Бехтиевой.

– В числе основателей Фонда праправнучка Третьякова по линии Боткина Екатерина Сергеевна Хохлова, правнук основателя династии художников Евгений Лансере. Перечислены также фамилии людей, которым Фонд выражает благодарность. В этом списке значатся уроженцы Грузии, расскажите, пожалуйста, о них.

– Во многих начинаниях нашего Фонда оказали большую финансовую помощь мои друзья и коллеги-строители Гия Квеладзе и Валерий Иашвили. Моей правой рукой является юрист Котэ Лузиньян-Рижинашвили, который давно переехал в Москву, но по-прежнему остается патриотом родного Тбилиси. То, что такой человек рядом – это настоящий подарок судьбы. Не было ни одного мероприятия Фонда, в осуществление которого Котэ не вложил бы средства. Нет такого события, чтобы Котэ в нем

не участвовал! Тбилисцы Гия Базгадзе и его супруга Мзия Кутивадзе активные участники наших совместных российско-грузинских проектов. Хочу отметить, что Гия Базгадзе обнаружил в Тбилиси оригиналы издававшегося в 1923 году журнала «Русское искусство». Константин Лузиньян-Рижинашвили и Гия Базгадзе вносят солидный вклад в развитие культурных отношений между нашими странами – они авторы идеи и организаторы проведения Тбилисского фестиваля российского кино.

– Виктор Михайлович, с чего же началась ваша любовь к Грузии?

– Как ни парадоксально, я проникся огромной любовью и симпатией к грузинскому народу, к грузинской культуре в степях Казахстана. В наш стройбатальон командировали парней из Грузии. Это были такие правильные ребята! Душевные, одаренные, сердечные – они украсили нашу достаточно суровую жизнь. С тех пор я не

теряю связи с вашей замечательной страной и полностью разделяю те высокие чувства, которые питали к Грузии великие писатели, поэты, художники и представители российской интеллигенции в течение сотен лет.

– Есть ли у вас бизнес-проекты, связанные с Грузией?

– Обсуждаем возможность строительства культурно-оздоровительного комплекса, чтобы грузинский народ получил достойный центр, где можно поправить здоровье, отдохнуть душой. Такой проект отвечает главному, ради чего стоит жить, – строить для людей и укреплять культурные традиции, накопленные веками.

– Быть продолжателем традиций самого Третьякова очень почетно и, очевидно, очень непросто. Успехов вам во всех начинаниях. Пусть звезды – небесные и земные – почаще приводят вас в Грузию.

Дворец графини Зарнекау в Тбилиси

Те имена, что ты сберег

■ Владимир ГОЛОВИН

«О любви немало песен сложено...» И историй тоже немало. Одна из очень популярных — о том, как красавец-грузин покорил чужую жену. В нашей истории все наоборот. Жена ушла к другому от грузинского князя, причем не к горячему кавказцу, а к человеку, в котором течет кровь, которую принято считать холодной — немецкая. О том, как это произошло, существуют свои легенды. Причем радостно тиражируемые самодельными «исследователями» истории Грузии, для которых главное — найти «жареные» факты с «душком» и которые путают при этом титулы, даты, географию и т.д. Об этих «фактах», не имеющих документальных доказательств, мы поговорим позже. А пока — love story грузинской княжны Аграфены (Агриппины) Джапаридзе, в замужестве Дадиани и представителя российского Императорского Дома принца Константина-Фридриха-Петера (Константина Петровича) Ольденбургского.

Этот правнук императо-

ра Павла I, флигель-адъютант, участник русско-турецкой войны 1877-1878 годов приезжает в Грузию в 1881-м, чтобы принять командование Хоперским полком Кубанского казачьего войска. Штаб-квартира этой старейшей воинской части кубанцев располагается в Кутаиси, а отдельные подразделения находятся в Батуми и Абастумани. Над принцем Ольденбургским реет ореол из громких имен и титулов. Династия, к которой он принадлежит, с XV века занимала датский и норвежский престолы и состоит в родстве со многими правящими фамилиями Европы. А уж о российских Романовых и говорить нечего.

Его отец Петр — сын великой княжны Екатерины, дочери Павла I, любимой сестры Александра I. К которой, кстати, неудачно сватался сам Наполеон Бонапарт. От ее брака с рано умершим от тифа принцем Георгом Ольденбургским, генерал-губернатором поочередно Эстляндии, Тверской, Ярославской и Новгородской губерний, главным директором путей со-

общения Российской империи и пошла русская ветвь Ольденбургских. Петру всего четыре месяца, когда уходит из жизни отец, и восемь лет, когда умирает мать. Растит мальчика его бабушка, супруга Павла I, вдовствующая императрица Мария Федоровна. Повзрослев, он становится близким другом Александра II, генерал-адъютантом, входит в Государственный совет и возглавляет IV отделение Его Императорского Величества канцелярии, ведающей воспитательными и другими благотворительными учреждениями. А двое из восьми его детей — Александр и Константин, в которых романтичность сочетается с бурлящей энергией, тесно связывают свои судьбы с Грузией.

В том же 1881 году, когда младший из них — Константин принимает в Кутаиси командование казачьим полком, в Грузии начинают ставить «живые картины» по поэме Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Главный организатор этого — княгиня Варвара Бара-

Петр Ольденбургский

ташвили, урожденная княжна Чолокашвили. Все зовут ее по семейному – Бабале. В ее тифлисском доме номер 8 на Реутовской (ныне – Мазниашвили) улице постоянно собирается цвет художественной интеллигенции, она увлечена поэзией Руставели, помогает собирать деньги на памятник ему и на переводы его поэмы. Послушаем приехавшего в Грузию на полтора года придворного художника последних четырех российских императоров, первого иллюстратора «Витязя», венгра Михая Зичи:

«Княгиня Баратова, имеющая, несмотря на свой преклонный возраст, приметную красоту, попросила меня о постановке с благотворительной целью живых картин из древнейшего грузинского уникального произведения «Витязь в тигровой шкуре». В постановке живых картин главным образом участвовали князя и княгини, в общем, вся аристократия... Театр был переполнен зрителями, их восторгу не было предела... В Кутаиси тоже ждут от меня постановку живых картин «Витязя в тигровой шкуре». Ведь и там замечательные люди, особенно красивы живущие там женщины».

В справедливости этой оценки жительниц Кутаиси убеждается и принц Ольденбургский, который, по словам выдающегося государственного деятеля Сергея Витте, «был большущий

весельчак, всю жизнь кутил». Он сразу же обращает внимание на исполнительницу роли Нестан-Дареджан – княгиню Аграфену Дадиани, урожденную Джапаридзе, начинает, что называется, наводить справки и узнает: ей двадцать шесть лет, но двенадцать из них она уже провела в замужестве, у нее двое детей, а муж Тариэл – зядный картежник. Константин вдруг понимает: это – главная любовь его жизни, и он обязательно добьется, чтобы они были вместе. Так и происходит. Но именно об этом моменте в жизни принца и княгини пополнили в литературу скандальные версии.

Жила в Бельгии писательница Мари Тегюль, внучка француза, который в конце XIX века жил в Тифлисе и бежал после прихода большевиков. Пишет она о житье-бытье аристократии в дореволюционной России, основываясь на домашних рассказах деда, так как сама родилась во время Второй мировой войны. И в статье «Принц Ольденбургский и графиня Зарнекау» есть у нее такая фраза о женитьбе Константина и Аграфены: «Бытует несколько историй, рассказывающих как это произошло, в одной говорится, что князь Дадиани погряз в долгах, а принц помог ему с ними расплатиться, в другой, что княгиня была проиграна в карты, в общем, она была отпущена мужем». И все! Лишь со слов деда, без каких либо других свидетельств или документальных подтверждений. Но этого вполне хватило, чтобы некоторые современные «исследования» запестрели смакованием выдуманных подробностей. Уж простите мне цитирования, но без них нельзя. Иначе, прочтя подобное в Интернете или на журнальных страницах, вы можете принять это за правду.

Вот, к примеру, один «исследователь», поднаторевший на вольных интерпретациях истории Грузии, сообщает захватывающие «подробности»:

«И тогда Константин Ольденбургский сделал все, чтобы оказаться с князем Тариэлом за одним карточным столом. Тем более, что сделать это было не так сложно – грузинский князь

играл каждый день. Когда проигрыш Дадиани стал слишком велик, он не выдержал и воскликнул: «Даже если я продам весь Тифлис, то все равно не смогу расплатиться по своим долгам!» На что принц спокойно ответил: «Не надо продавать Тифлис, просто отдай мне свою жену. А я тебе за это еще и доплатю. Сколько там стоит ваш Тифлис?»

Дадиани, обрадованный тем, как легко разрешилась проблема, поздравил жену и сказал:

– А ведь я тебя продал!

– И кому? – только и поинтересовалась Аграфина.

– А вот принцу! – удивленный ее спокойствием (у них все-таки было двое детей) ответил князь Дадиани.

Аграфина не говоря ни слова дала теперь уже бывшему – для нее все уже было кончено – супругу пощечину, подошла к принцу Ольденбургскому, взяла его под руку и удалилась из комнаты».

Ну что сказать про такую осведомленность о деталях происходившего? Не иначе, как автор услышал все это, прячась за занавеской или под игральным столом... А другая «исследовательница» выдала на сайте «Эхо Кавказа» свой ошеломляющий вариант: «... Богатый холостяк, родственник императора Николая Второго.

Константин Ольденбургский и Аграфена Дадиани

Аграфена на балу в Зимнем дворце

Избалованный вниманием дам князь предложил Аграфене провести с ним ночь, на что получил жесткий отказ... Потом история становится романтической и закрученной. Как говорят, принц Ольденбургский пожаловал к мингрельскому принцу и в обмен на его жену предложил один миллион золотых российских рублей. Тариэл Дадияни согласился. Аграфена жутко разозлилась – пожаловавшего к ней принца Ольденбургского послала к мужу, мол, иди к тому, кому заплатил. Но принц не сдавался. Долгие ухаживания принесли плоды. Сердце Аграфены было окончательно завоевано, когда для нее был построен этот дворец. Ее можно понять: это единственное здание на Южном Кавказе, построенное в стиле исламской готики, – шедевр грузинской светской архитектуры».

Обилие нелепостей в этом небольшом отрывке просто зашкаливает. Чтобы стать родственником императора Николая II, принцу надо было ждать еще целых четырнадцать лет – Николай Александрович Романов, как известно, короновался в 1895 году... Сделано потрясающее открытие в нобилистике (науке, изучающей титулы, чины и звания): оказывается, существовал «принц мингрельский».

Хотя в истории Самегрело был лишь один принц, да и то французский – Ашиль (Ахилл) Мюрат, внук наполеоновского маршала Иоахима Мюрата и Каролины Бонапарт, сестры Наполеона. Он женился на княжне Саломэ Дадияни и жил в ее поместье близ Зугдиди... Когда Ольденбургский построил дворец для Аграфены (все в том же 1895) году, ее сердце уже было давно завоевано (свадьба состоялась в 1882-м) и у них уже было шесть детей... Еще одно открытие – «исламская готика». Такого направления в архитектуре я не нашел ни в одном справочнике или словаре. Но именно оно почему-то стало «шедевром грузинской светской архитектуры».

Подобные «детали», призванные разукрасить и без того романтическую историю любви Константина и Аграфены, встречаются нередко. Пишут, что Аграфена провела в этом дворце сорок шесть лет, хотя она скончалась через тридцать один год после его постройки и постоянно в нем не жила. А еще, что ее задушили большевики, что она сошла с ума... Так что, дорогие читатели, «остерегайтесь подделок!» Легко понять представителей рода Дадияни, которые и предположить не могут, что их предок, князь, торговал женой. Да, она ушла

от незадачливого мужа-игрока, но, скорее всего, ушла сама, к лучшей жизни. К той, где была большая любовь, пришедшая в двадцать шесть лет, и которую не могла знать девочка, четырнадцатилетней отданная в жены человеку на два десятилетия старше ее. Думается, если бы аморальный торг вокруг нее действительно имел место, то эта женщина, которую Витте называет «очень неглупой» – очень милой, порядочной», презирала бы «покупателя» не меньше, чем «продавца». Так что неопровержимо лишь одно: Ольденбургский действительно увел чужую жену, и жили они в согласии и любви больше двадцати лет, пока смерть не разлучила их.

Бракоразводный процесс проходит стремительно, на юридические процедуры Константин денег не жалеет, и через четыре месяца после развода княгини Дадияни, в октябре 1882-го они венчаются. Брак этот мorganaticкий: у принца и княгини – разный социальный статус, их дети и сама Аграфена не могут наследовать титулы и состояние члена Царского дома. Впрочем, состояние это таково, что Константин Петрович может позволить себе не отказывать своей семье буквально ни в чем. Ну, а без громкого титула его жена и дети не остаются: в Герма-

Кавказская выставка в Тифлисе. 1885

страивавшему Городскую думу (затем – мэрия, здание Сакребуло), украсившему своими работами Головинский (Руставели) и Михайловский проспекты.

Дворец этот и сегодня одно из красивейших зданий Тбилиси. Всего в нескольких десятках метров от современного шумного проспекта стоит удивительное воплощение то ли сказки, то ли романтики средневековья, то ли всеобщей мечты о прекрасном. В этом уникальном здании каждый зал был оформлен в собственном стиле – египетском, греческом, готическом... На стеллажах огромной библиотеки – раритетные фолианты двух-трехвековой давности, в просторной гостиной – мебель времен Людовика XVI... Конечно, графиня Зарнекау в восторге от подарка, но уклад жизни ее семьи таков, что здесь она не живет постоянно. Константин Петрович и Аграфена Константиновна в Тифлисе бывают лишь несколько недель в году. А куда они выезжают в остальное время? Давайте последуем вслед за ними из их кутаисской резиденции.

Первый «пункт назначения», конечно же, Санкт-Петербург, у династии Ольденбургов – дворец на Дворцовой набережной и дача в Петергофе. Правда, Аграфена не очень любит светские приемы, но на одном из них она все-таки блистает. В феврале 1903 года в Зимнем дворце устраивается костюми-

Дворец Ольденбургских в Санкт-Петербурге

нии глава рода Великий герцог Ольденбургский Николаус-Фридрих-Петер жалует им графское достоинство и фамилию Зарнекау. Так в русской транскрипции звучит название местности Царнекау, принадлежащей Ольденбургам в прусской провинции Гольштиния.

Новоиспеченная графиня оказывается прекрасной хозяйкой в доме любящего покутить весельчака. Этот хлебосольный дом до сих пор сохранился в Кутаиси у нынешней площади Давида Агмашенебели, как указывает путеводитель, там «сейчас стоят два дома: ТВС-банк и еще один, построенный некогда принцем Ольденбургским, он сейчас угловой с улицей Тамары». «Бурлящая энергия» Константина Петровича требует деятельности, и в Кутаиси начинает разворачиваться производство шипучих вин (многие назвали бы их шампанскими, но именоваться так имеет право лишь то, что произведено в провинции Шампань). В 1884 году принц покупает у француза Шоте небольшой винный завод, расширяет его, и уже через пять лет с большим успехом демонстрирует свою продукцию в Тифлисе на знаменитой Кавказской выставке предметов сельского хозяйства и промышленности. Вино изготавливается из винограда, который выращивается в окрестностях станции Белогоры (ныне – Харагаули). А годовой выпуск этого вина с

двух тысяч бутылок при прежнем хозяине увеличивается в тридцать (!) раз. Так что принц умеет и любит не только пить вино, но и делать его.

А еще он делает любимой жене роскошный подарок. В Тифлисе, на Новосадовой (впоследствии – Пирогова, теперь – Каргаретели) улице, рядом с нынешним проспектом Давида Агмашенебели (в прошлом – Михайловским и Плеханова) покупает у некоей фрау Эмилии Титель участок земли. И заказывает возведение дворца знаменитому архитектору Павлу (Паулю) Штерну, руководившему строительными работами в Казенном (Оперном театре), пере-

Дворец Александра Ольденбургского в Гагра

Александр Ольденбургский

рованный бал, приуроченный к 290-летию Дома Романовых. Этот маскарад – самый известный праздник в столице при Николае II. Все триста девяносто гостей – в костюмах допетровского времени, дамы – в сарафанах и кокошниках, кавалеры – в одежде стрелцов и сокольничьих. Сорокавосьмилетняя графиня Зарнекау прекрасно выглядит в наряде боярыни XVII века.

Часто бывают принц с графиней и в горном поселке Абастумани. Там лечится от туберкулеза великий князь Георгий Александрович, младший сын Александра III. Он проводит здесь семь лет по совету двоюродного деда, великого князя Михаила Николаевича. В бытность наместником на Кавказе тот стал ярим поклонником всего, что связано с этим краем. Царская семья, конечно, навещает Георгия, чаще других приезжает мать, императрица Мария Федоровна. А еще частый гость – принц Ольденбургский. Чем же он может скрасить жизнь тяжелобольного молодого человека? Конечно же, веселым застольем. Мария Федоровна, «застукавшая» их, жалуется мужу, что такое времяпрепровождение отнюдь не способствует здоровью сына. Но Георгий, любивший эту чету, настаивает на ее присутствии в своем дворце. Летом 1899 года он на трицикле (велосипеде с мотором) отправляется на прогулку, которая заканчивается трагически – страшный приступ кашля с кровью, скорострительная смерть. Спешно примчавшиеся принц Ольденбургский и графиня Зарнекау сопровождают гроб с телом своего молодого друга в долгом пути в Петербург через Боржоми, Батуми и Новороссийск...

Жить в Грузии и не побывать на Черном море невозможно, тем более, что семье принца «есть, где остановиться». Ее ждет новый курорт, основанный Александром, старшим братом Констан-

тина. Вот какую характеристику дает этому человеку Сергей Витте: «Принц Александр Петрович Ольденбургский представляет собою замечательный тип. С его именем связано устройство в Петербурге института экспериментальной медицины... большая больница душевнобольных, находящаяся на Удельной. Он является попечителем школы Правоведения и особого рода гимназии, находящейся в 12-й роте Измайловского полка... С именем принца Александра Петровича Ольденбургского связан, наконец, Петербургский Народный Дом, – одно из выдающихся учреждений. С его именем связаны Гагры, – род санитарной станции, на берегу Черного моря. Таким образом принц Александр Петрович Ольденбургский связал свое имя с весьма полезными и благотворительными учреждениями, им самим созданными или полученными по наследству от своего отца.

Вся заслуга принца заключается в том, что он человек подвижной и обладает таким свойством характера, что когда он пристанет к лицам, в том числе иногда лицам, стоящим выше, нежели сам принц А.П. Ольденбургский, то они соглашаются на выдачу сотен тысяч рублей из казенного сундука... И если нужно сделать что-нибудь экспромтом, а в особенности сделать нечто выдающееся по своей оригинальности, то он по своему характеру к этому совершенно приспособлен... Нужно сказать, что никто из Царской семьи не унаследовал качеств Императора Павла в такой полноте и неприкосновенности – в какой унаследовал их принц Александр Петрович Ольденбургский. В сущности говоря, он не дурной, хороший человек, но именно вследствие своей, – мягко выражаясь, – «необыкновенности» характера и темперамента он может делать поступки самые невозможные, которые ему сходят с рук только потому, что он – «Его Высочество принц Ольденбургский».

И вот подтверждение этим словам. Как-то, по дороге из Новороссийска в Сухуми, принц останавливается, чтобы заправиться водой в неприглядном местечке под названием Гагра. И красота местности производит на него такое впечатление, что он решает построить здесь курорт. Ни больше, ни меньше. Председатель Особой комиссии для разработки законопроектов по колонизации и оживлению Черноморского побережья, фактически ведающий всем регионом сенатор Виктор Абаза поднимает его на смех: «Проще достать с неба Луну, чем превратить Гагра в стоящий курорт». Но не будем забывать, что Александр Петрович «может делать поступки самые невозможные». Слово – уроженцу Абхазии, замечательному писателю Фазилю Искандеру:

«Для создания кавказской ривьеры принц Ольденбургский выдвинул весьма действенный аргумент, заключавшийся в том, что русские толстосумы будут ездить в Гагры вместо того, чтобы прокучивать свои деньги на Средиземноморском побережье... И вот выросли на диком побережье дворцы и виллы, на месте болота разбит огромный «парк с насаждениями», как он именовался, порт, электростанция, больница, гостиницы и, наконец, гордость принца, рабочая столовая с двумя отделениями: для мусульманских и христианских рабочих. В обоих отделениях столовой кухня

была отделена от общего зала стеклянной перегородкой, чтобы няряхи-повара все время были на виду у рабочих».

Примечательно, что каждый вечер принц проводит совещание, на котором любой рабочий может высказать и критику, и предложения. Ведь работы невпроворот: кроме перечисленного, Ольденбургский основывает водопровод, телеграф, субтропический техникум и климатическую станцию. День ее открытия – 9 января 1903 года считается датой основания курорта, который для миллионов людей стал символом счастливого, беззаботного, уже такого далекого и невозвратного времени. А на горе над городом поднимается роскошная вилла в стиле модерн, которую вполне можно назвать маленьким замком: башни, причудливые окна, выходящие на море, живописные крыши, дорожки и лестницы из дикого камня. А в залах и комнатах – коллекция картин Айвазовского, Брюллова, Левитана, великолепные копии работ итальянских живописцев.

В этот рай Константин с Аграфеной и приезжают из своих кутаисской, тифлисской и петербургской резиденций. А потом, в 1905-м, Константин Петрович неожиданно умирает в Ницце, и его вдова бывает в Грузии лишь наездами. Но порядок в ее тифлисском дворце поддерживается неизменно, будто ей вот-вот предстоит пройти по залам и комнатам. После прихода большевиков к власти она отказывается эмигрировать, хоть за принадлежность к царской семье расстрелять могли запросто. Но в Кисловодске, в больнице для нервных больных, лечится ее младшая дочь Нина. И графиня остается с ней до последних дней жизни девушки в 1922-м. Дочь она пережила всего на четыре года, местом ее смерти в большинстве источников называется Кисловодск, но бытует и версия, что она скончалась в Кутаиси.

Судьбы остальных ее детей тесно переплелись с историей России. Старшая дочь Александра выходит замуж за сына императора Александра II от морганатического брака с фавориткой Екатериной Долгорукой, которой был пожалован титул светлейшей княгини Юрьевской. Мужа Александры Зарнекау зовут Георгий, и именно в нем отец видел будущего императора России. Потом повторяется история ее матери – бывший гвардеец-гусар Лев Нарышкин, род которого идет от матери Петра I, уводит Александру от мужа. Ее брат Николай первым браком был женат на Марианне фон Пистолькорс, организовавшей вместе с великим князем Дмитрием Павловичем убийство Григория Распутина в доме князя Феликса Юсупова. Самый младший из детей Константина и Аграфены – Алексей женится на родственнице жены Льва Толстого, Анне Берс. Через месяц после свадьбы его убивают революционные матросы в Кронштадте.

А у еще одной дочери принца и графини – Екатерины, которую все звали Тиной, жизнь похожа на историко-приключенческий роман. Будучи сестрой милосердия на Дальнем Востоке, она смогла уговорить самого Николая II выделить для дивизии ее первого мужа Ивана Плэна необходимые там пулеметы. Потом еще дважды была замужем за сыном знаменитого петербургского

архитектора Александром Тоном и кавалерийским офицером Федором Хомичевским. Третий муж бросает ее, когда она сидит в тюрьме – распродавала имущество, чтобы было на что жить, а советская власть расценила это как спекуляцию. Когда родственники через шведское и финское посольство стали присылать ей деньги, Тина вновь «дразнит» власти, демонстративно помогая Церкви. Наконец, она оказывается единственной оставшейся в советской России представительницей Дома Романовых, и ее кузен в Финляндии выделяет на ее защиту и побег сто тысяч марок. Как утверждает дочь ее духовника Нина Николаевская, крупная взятка, в частности, дается Максиму Горькому через его гражданскую жену Марию Андрееву. В конце концов, летом 1929 года, как в настоящем детективе, посланцы из-за границы трижды приходят к ней, предъявляя пароль – банковские ассигнации с условленными номерами. И Тина с дочерью, объявив, что едут на Кавказ, тайно переходят с проводником финскую границу.

Потомки большой семьи, зародившейся в Кутаиси, и сейчас живут на Западе, но в Грузии фамилия Зарнекау сегодня мало кому что-то говорит. Зато любой тбилисец покажет вам «дворец принца Ольденбургского». Сейчас здесь Дворец искусств, в котором разместился Государствен-

Герб графини Зарнекау

ный музей театра, музыки, кино и хореографии Грузии. А само здание словно напоминает нам, что настоящая любовь бывает не только на экране и на сцене. Недаром принц Ольденбургский увенчал его не своим гербом, а гербом своей любимой, графини Зарнекау. На щите лишь одно изображение – белый единорог, геральдический символ духовной чистоты и исканий, благоразумия и непорочности. Что ж, благоразумной Аграфену Константиновну не назовешь, но в духовной чистоте и непорочности ее исканий вряд ли надо сомневаться. Все, что она делала, сделано по Любви с большой буквы, связавшей русского принца и грузинскую княжну.

На праздновании 100-летия признания Германией независимости Грузии

ШВАБЫ ИЗ БАДЕН-ВЮРТЕМБЕРГА. ГРУЗИНСКАЯ СТРАНИЦА

■ МЕДЕЯ АМИРХАНОВА

Нынешний год юбилейный для взаимоотношений Грузии и Германии – 200 лет со дня поселения немецких колонистов, 25 лет установления дипломатических отношений. В 2018 году исполняется 100 лет, как Германия признала независимость первой Грузинской республики.

В грузинской праздничной программе мероприятий: художественные, дизайнерские выставки, фотоэкспозиции, концерты, танцевальные перформансы, экскурсии, месяц немецкого языка (города-участники: Тбилиси, Кутаиси, Батуми, Гори), лингвистические конференции, Дни немецкоязычных стран в университетах Грузии, ворк-шопы по маркетингу, встречи виноделов, турниры по женскому футболу и другое. Мероприятия проходят под слоганом «Наследие будущего. Год Грузии – Германии 2017».

Торжественное открытие юбилейного года состоялось в Тбилисском Сакребуло при собрании представителей дипломатического корпуса, глав грузинских министерств, почетных гостей и др. На праздничную церемонию в Тбилиси приехали президент института имени Гете, профессор Клаус-Дитер Леманн и поверенный МИДа Германии в вопросах политики культуры Михаэль Райфенштуэль.

Министр иностранных дел Грузии Михаил Джанелидзе отметил, что Грузия на каждом этапе своего развития чувствовала поддержку Германии. «После обретения Грузией независимости, Германия активно помогает нам в процессе демократической трансформации. Германия за суверенитет и территориальную целостность Грузии, она играет

решающую роль в деле европейской и евроатлантической интеграции Грузии...

Германия для Грузии самый большой торговый партнер в Евросоюзе. У нас функционируют более 350 немецких компаний... Примечательно сотрудничество в сферах культуры, образования, науки. Германия – партнер номер один в деле выделения стипендий грузинским студентам».

Юбилейные мероприятия у нас и в Германии проводятся под патронатом и при финансовой поддержке Министерства культуры и охраны памятников Грузии, Министерства иностранных дел Грузии, Министерства иностранных дел Германии, Института имени Гете.

Выпущены каталоги и книги с ценной информацией и иллюстрациями, настоящий подарок для людей, влюбленных в историю Тбилиси и Грузии. «Архитектура – мост, проложенный между временем и людьми», «Тбилисская геофизическая обсерватория», «Культурный маршрут немецкого меньшинства в Грузии» и другие. Два последних издания гости мероприятия в Сакребуло могли получить в подарок.

Переселение немцев из Баден-Вюртемберга на Южный Кавказ началось в 1817 году по инициативе русского царя Александра I (он продолжатель идеи Екатерины II, начавшей осуществлять этот план гораздо раньше). Александр I издал манифест, суливший значительные привилегии в случае поселения на землях империи. Переселенцам

На юбилейной выставке

предоставляли земельные участки (в Грузии одной семье давали 35 десятин), беспроцентный кредит, одноразовую денежную помощь, их освобождали от налогов на 10 лет, их не касалась воинская обязанность. Манифест гарантировал свободу вероисповедания и традиций. Но к колонистам имелись требования: разбираться в виноградарстве, шелководстве или владеть каким-нибудь ремеслом, иметь семью.

Отъезду немцев с родины способствовали и другие обстоятельства, политические и экономические (нашествие Наполеона, голод). Колонисты проделали сложный путь (путешествие длилось 90 дней). Первое время выдалось тяжелым (привыкали к климату, боролись с эпидемиями). Вначале немцы создали шесть колоний. Мариенфельд – в Сартчала, Ной Тифлис – нынешний проспект Агмашенебели, его параллельные улицы и площадь Марджанишвили. Александердорф – современные улицы Агладзе, Самтредская, Цхалтубская и Церетели. Петерсдорф – рядом с Сартчала. Элизабетталь – сегодняшняя деревня Асурети, Катариненфельд – Болниси.

Во второй половине XIX века были образованы три поселения рядом с Сухуми – Найдорф, Гнаденберг и Линдау. Позднее появилось еще несколько немецких колоний вблизи старых поселений: Александерсхильф (неподалеку от Цалки), Блюменталь, Траубенберг, Георгсталь, Визендорф и другие.

Общее число немецких колоний на территории Грузии достигало 23.

Грузинские немцы чувствовали поддержку как от властей, так и от местного населения. Они сумели встать на ноги, развивали виноградарство, скотоводство, занимались ремесленничеством. В центре села Элизабетталь располагалась столярная мастерская. В Тифлисе на Кукиа жили, в основном, ремесленники.

Немцы выпускали несколько сортов колбас, швейцарский сыр, приучили тифлисцев к пиву. На Воронцовской набережной функционировал пивной завод, построенный Ветцелем. Там готовили пиво нескольких марок – Мюнхенское, Пильзенское, Черное и др. Немцы привозили на продажу в столицу молочные продукты, мясо, вино, овощи-

фрукты.

Немецкие деревни напоминали маленькие города. Массивные двухэтажные дома швабы строили с помощью местного населения. Для заливки фундамента нанимали лезгин. Дома имели большие балконы, закрытые внутренние дворы, винные погреба. Основной строительный материал – камень.

В центре села находилась площадь с важными объектами: управлением колонии, церковью (кирхой), школой, магазинами, другими строениями общественного назначения.

Проспект Агмашенебели в прошлом – центральная улица немецкой колонии. С 1862 года ее официально включили в территорию города. Во-

Посол ФРГ в Грузии Хайке Файч

круг этой улицы располагались мастерские, магазины, гостиницы, аптеки. Архитектурный стиль Ной Тифлиса и Александердорфа имел много общих черт. Ной Тифлис украшали одноэтажные дома, с высокими крышами и большими чердаками. Перед домом – палисадник. Сзади дома – сад, где выращивали фрукты и овощи. Немцы разработали план перспективного развития левого берега Куры.

Во второй половине XIX века в Тифлис приезжают архитекторы Штерн, Дицман, Цаар, Зальцман, Симонсон и др. Довольно долго работал в Грузии садовый архитектор Генрих Шарер. Александровский, Боржомский парки, Тбилисский ботанический сад созданы его стараниями.

В 1870 году силами этнографа и натуралиста Густава Радде возобновил свою работу Кавказский музей.

По соседству с нынешним Театром юного зрителя на проспекте Агмашенебели в прошлом функционировала гостиница Ветцеля (здание сохранилось). В 114 номере Михайловского проспекта (современный Агмашенебели) располагалась респектабельная гостиница «Мадер» (по имени основательницы Луизы Мадер).

Тбилисский театр оперы и балета им. З. Палиашвили, классическая первая гимназия, театр Руставели, Кашветская церковь, Голубая галерея, Дворец учащейся молодежи – лишь мизерный перечень того, что построили немцы.

Большая часть архитектурного наследия – жилые дома. Помимо того, общественные парки, лю-

Лютеранская кирха в Тифлисе

теранские церкви, строения хозяйственного назначения. Число построек – более 1200. В перспективе – это серьезный туристический потенциал, если подойти к делу с умом.

В 2015 году Министерство культуры и охраны памятников Грузии провело инвентаризацию; десятки строений получили статус памятника культурного наследия.

Пожалуй, нет сферы, которой не коснулась деятельность немцев. В 1858 -1868 гг. фирма «Сименс и Хальске» провела на Кавказе телеграфную сеть, связав его с Москвой. Упомянутая компания совершила технический прорыв в XIX веке. Телеграфная линия Лондон – Калькутта растянулась на 10 тысяч км. Узловым пунктом линии был Тифлис.

Братья Вальтер и Отто Сименсы похоронены в Тбилиси, но, к сожалению, их могилы утеряны.

Немцы лидировали в фармацевтическом бизнесе. В 1829 году Флор Шонберг открыл в Тифлисе первую аптеку. Наряду с именитым Земмелем трудились на этом поприще: Оттен, Кох, Хайне и другие. Оттен считал, что в Грузии благоприятная среда для развития бизнеса. Кстати, на том месте, где раньше находилась аптека Оттена (Сололаки, сейчас улица Леонидзе) и теперь работает аптека. Сохранился ее первоизданный интерьер.

Большой вклад в популяризацию немецкого языка внесла австрийская писательница Берта фон Зутнер. Вначале она жила и преподавала немецкий в Зугдиди, потом продолжила работать в Тифлисе.

Немецкий дом в Болниси

Берта фон Зутнер – первая женщина, получившая Нобелевскую премию.

В течение двух лет (1843-1845) жил и творил в Тифлисе немецкий поэт Фридрих Боденштедт. Артур Лайст, близкий друг Ильи Чавчавадзе первым перевел на немецкий язык грузинских классиков, поэму «Витязь в тигровой шкуре». В 1906 – 1922 гг. возглавлял немецкоязычную газету «Kaucasische Post». С 1892 года и до самой кончины (1927 год) Артур Лайст жил в Тифлисе.

Немцы не только преподавали свой родной язык, но и воспитали учительские кадры.

Первый профессиональный струнный квартет основал у нас Франц Кесснер. Профессор Берлинской музыкальной академии приехал в Грузию на гастроли в 1881 году. Но волею случая встретил здесь любовь, женился и осел в Грузии. С 1918 года начал вести занятия в Тбилисской консерватории.

До 80-х годов XIX века немцы носили типичные швабские костюмы. Потом перешли на европейскую рабочую и праздничную одежду. В 1912 году в Тифлис по приглашению Николая II приехал исследователь костюмов профессор Макс Тильке. Его труд «Народы Кавказа в национальных костюмах» охватил разные этнические группы. Сначала жителей фотографировали в костюмах, затем Тильке перерисовывал снимки акварелью.

Немцы жили в мире и согласии на грузинской земле. Поддержали объявление Грузией независимости. Но после прихода советской власти подверглись притеснениям. С началом Второй мировой войны положение немцев, живших на территории Союза, стало тяжелым. Их объявили врагами и приступили к массовым арестам, переселениям в Среднюю Азию.

Тот малый процент немцев, не эмигрировавших на историческую родину и оставшихся жить на постсоветском пространстве, начал создавать после развала Союза свои общества. Ассоциация немцев Грузии «Айнунг» объединяет 2000 человек.

Впереди у нас юбилейный год и масса возможностей вспомнить лучшие страницы общей, грузино-немецкой истории и написать новые.

«АЛЖИР»

Инна БЕЗИРГАНОВА

Тяжело смотреть. К горлу подкатывает комок, подступают слезы... Да, побывать на таком спектакле – немалое испытание для нервной системы. А нужно ли нам это? Подобным вопросом вполне может задаться зритель, пришедший на новую постановку грибоедовцев, и его можно понять... Жизнь и так полна испытаний и переживаний, зачем вспоминать дела давно минувших дней, да еще такие – репрессии 30-х? Ответ один: не просто нужно, а – необходимо. Хотя сказано, написано, снято, сыграно об этом, на эту тему много, очень много. Вспомним потрясение 1987 года – в самом начале глобальных перемен в СССР: на экраны вышел фильм Тенгиза Абуладзе «Покаяние», ставший обладателем Гран-при Каннского фестиваля. Зловещие метафоры этой гениальной картины стали шоком для зрителей. А через два года появилось первое полное советское издание художественно-исторического произведения Александра Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» (в 1973 году оно было издано на Западе). Шлюзы, как говорится, открылись... и реки потекли.

**«А ТЕПЕРЬ МЫ ВАС,
УВАЖАЕМАЯ, РАССТРЕЛЯЕМ!»**

Новая страница в освоении этой непростой темы – последняя премьера на сцене Тбилисского государственного академического русского драматического театра им. А.С. Грибоедова. «АЛЖИР» (Акмолинский лагерь жен изменников родины) – спектакль, поставленный в жанре художественно-документальной драмы. Он посвящен нашим соотечественницам, ставшим жертвами репрессий и отбывавшим наказание в «АЛЖИР»е (через него прошли этапом более 18 тысяч женщин, 8 тысяч отбывали срок полностью – это были жены известных государственных, политических и общественных деятелей). А их было немало – около трех сотен фамилий... Среди них известные и неизвестные.

«АЛЖИР» – предельно жесткое режиссерское высказывание Авто Варсимашвили. Спектакль-обвинение, спектакль-память, спектакль-реквием. Стилистике этого режиссера свойствен жесткий язык, предельная заостренность мысли и чувства. Но есть в этой постановке и нечто новое: лапидарность, минимализм в использовании художественных средств. Минимализм заложен уже в самой концепции спектакля. Мы привыкли к тому, что каждый актер или актриса в драматическом спектакле играет определенную роль... или выступает

Сцены из спектакля «АЛЖИР»

в нескольких ролях. В «АЛЖИР-е» все несколько иначе: здесь, собственно, и нет ролей как таковых – все семь актрис, занятых в постановке, в совокупности, в целостности своего сценического существования, представляют и создают собирательный образ Женщины, прошедшей через репрессии. Надо отдать должное каждой актрисе, занятой в спектакле: заслуженная артистка Грузии Людмила Артемова-Мгебришвили, Инна Воробьева, Наталья Воронюк, Нина Кикачеишвили, Мари Кития, София Ломджария, Анна Николава демонстрируют невероятную самоотдачу и обнаженность чувств, передают не только трагизм положения узниц лагеря – несломленных жертв эпохи, но – «нерв» времени. При этом на сцене все лаконично и просто – табуретки, решетка, символизирующая тюрьму. А за решеткой висят фотографии жертв репрессий (сценограф – Мириан Швелидзе). Молчаливые свидетельства. Вот и все, пожалуй.

Автор сценической версии и режиссер-постановщик спектакля Авто Варсимашвили не предлагает развернутых душераздирающих сцен издевательства над женщинами, многое выражено в скупом рассказе, интонации, мимике, пластике, в повороте головы, во взгляде, в едва заметном дрожании губ, в сдержанной, скрытой эмоции или внезапном и коротком ее выплеске, вспышке... наконец, в тревожной, трагической музыке, пронизи-

вающей спектакль.

Вот две актрисы берут под руки третью и насильно усаживают ее на табуретку – этого достаточно, чтобы обозначить арест, насилие, безнадежность. А рассказ об ужасных событиях и вынужденном расставании с ребенком, сопровождаемый монотонным раскачиванием тела, позволяет остро, явственно ощутить душевные муки этой женщины...

В одной из сцен Мари Кития превращается в конвоира, грубо умиротворяющего узниц в поезде, в другой – в ребенка, высматривающего мать в летящем вагоне и не желающего признавать ее в какой-то чужой женщине с обритой головой – нет, этот «кочан» не может быть мамой! Такие же превращения происходят и с Софией Ломджария, изображающей то несчастную узницу, с надрывом читающую стихи, то представителя беспощадной власти – высокого партийного чиновника... Еще сцена: Мари Кития – Лаврентий Берия, София Ломджария – его жертва, дирижер Евгений Микелад-

зе, принявший мученическую смерть. Страшные страницы истории. «Лес рубят – щепки летят». Известная формула эпохи тоталитаризма.

«Все судьи на одно лицо – это выражение глаз делает их одинаковыми...». «На лице следователя была смесь ненависти и презрения...». «А теперь мы вас, уважаемая, расстреляем!» – эти зловещие слова актриса Анна Николава произносит трижды, и с каждым повтором все больше нагнетается атмосфера неумолимо надвигающейся катастрофы...

Кульминация спектакля – коллективное чтение в теплушке пушкинского «Евгения Онегина», стихов великих поэтов России и Грузии. Поэзия звучит на русском, грузинском. Женщины читают вместе – каждая свое стихотворение! И это уже хор, какое-то поэтическое многоголосие, истовая мо-

литва, обращенная к Всевышнему. Аж дух захватывает... Поэзия как уникальный способ выстоять, не сойти с ума.

Таких не сломить! «Отняли все, – говорит одна из узниц. – Но мое останется со мной! Я переживу даже этот карцер!» «Я не буду падать!» – как заклинание твердит Женщина, сначала приговоренная к расстрелу, а позднее помилованная – казнь заменили десятью годами заключения... Людмила Артемова-Мгебришвили играет эту сцену с огромной трагической силой. В этом отчаянном «я не буду падать!» выражен яростный протест против насилия – с одной стороны, и страха – с другой. Сохранить человеческое достоинство любой ценой – это главное!

Идея, ясно выраженная в спектакле: они выстояли вопреки всему, потому что были сильными и жизнестойкими. Но при этом оставались просто женщинами...

Впечатляет финал. Лаконичный, сдержанный, беспасфосный. Взгляд Л. Артемовой-Мгебришвили,

и тоталитаризма «АЛЖИР». Комплекс был создан десять лет назад по распоряжению президента Казахстана Нурсултана Назарбаева. Там все очень здорово и интересно сделано, на камне высечены фамилии репрессированных женщин. Список – колоссальный! В музейном комплексе есть актовый зал, можно получить какую-то информацию, познакомиться с имеющимися материалами, увидеть документальные кинокадры. Я сообщил в музее какие-то данные о Кире Андроникашвили, которых там не было... А они в свою очередь подарили мне большую книгу «АЛЖИР», в которой содержатся сведения об узницах лагеря, привезенных со всего Советского Союза. Сегодня тяжело слышать бесконечную хвалу в адрес Сталина – люди просто не хотят знать того, что было на самом деле. В музейном комплексе «АЛЖИР» мне трудно было пройти так, чтобы не наступить на кости погибших здесь женщин, я старался осторожно ступать по базальтовому бордюру, потому что кости там буквально вылезают из-под земли...

устремленный в сегодняшний день из далеких 30-х. «Я должна выжить и рассказать, – говорит Женщина из АЛЖИРа. – Я буду свидетельствовать!»

«НЕЛЬЗЯ НИЧЕГО ЗАБЫВАТЬ!»

Архитектор, композитор **Мераб Андроникашвили**:

– Спектакль произвел на меня огромное впечатление! Не только потому, что в нем отражена тяжелая сама по себе тема. Моя тетя Кира Андроникашвили, одна из узниц АЛЖИРа, – родная сестра моего отца. Поэтому мне все знакомо, я эту трагическую историю знаю с детства. Мне довелось побывать в этом печальном месте – там, где сейчас находится Музейно-мемориальный комплекс памяти жертв политических репрессий

Я хочу поблагодарить замечательную труппу театра имени А.С. Грибоедова. Каждая занятая в этом спектакле актриса – звезда! Замечательная режиссерская работа. За весьма ограниченное время действия было сказано и показано очень многое. И это настолько откровенно и реально, что на протяжении всего спектакля у меня на глазах были слезы.

Специальный представитель премьер-министра Грузии по вопросам взаимоотношений с Россией **Зураб Абашидзе**:

– «АЛЖИР» – очень хороший, прекрасно поставленный спектакль. Актрисы играют замечательно! Советую всем посмотреть. Хотя, конечно, тяжело вспоминать эти события, эти годы... В зале были потомки узниц этого лагеря – внуки, внучки, мои друзья. От них я еще в школе слышал обо

всем этом. Но тогда, естественно, многое не воспринималось, не верилось в то, что это правда! Гораздо позднее узнали больше... Сегодня жертвы «АЛЖИР»а опять напомнили о себе! Нельзя забывать прошлое. Нужно все время вспоминать и напоминать друг другу об этих людях, их страданиях. Чисто по-человечески.

Директор галереи «ТБС», искусствовед **Кетеван Кордзахия:**

– Великолепна сама идея спектакля. Тема такая... особая. Хотя наши дети уже мало что об этом знают. Для нас, поколения внуков этих женщин, «АЛЖИР» – актуальная тема. Наши родители, матери и отцы, пострадали, не говоря уже о дедушках и бабушках. Мне понравилась концепция спектакля, герои которого – эти гениальные женщины! Интересно, что актрисы, занятые в спектакле, представляют и женщин, и партчиновников, и членов семей репрессированных. Очень впечатлила и сценография. Конечно, я ощутила грусть... Могу сказать с открытой душой, что многие в зале плакали. Большинство – из семей репрессированных. Очень много знакомых лиц. Все в спектакле прозвучало настолько трагично, что невозможно было сдерживать эмоции. Сначала у меня создалось ощущение, что эту историю написала кто-то из «алжирских» женщин. Потом из программки выяснила, что пьеса собрана из разных источников. Если бы я знала... то вспомнила бы истории, которые рассказывала бабушка – Елена Кандарели-Соколова. Очень редко, между прочим, рассказывала. Например, о том, как одна из сокамерниц была беременна. И в этих нечеловеческих условиях женщины шили для будущего младенца одежду. А для этого поломали стекло, мерзли, но осколком стекла разрезали свои рубашки и мастерили распашонки. Но ребенок погиб, вернее, родился мертвым – погибла и мать. Еще одна поразительная история, поведенная бабушкой, – как узницы лагеря случайно нашли в степи... цветочек. И как все плакали и радовались находке, потому что столько лет не видели живого цветка! Бабушка, кстати, написала воспоминания

и получила за них приз. Конечно, спектакль получился действительно замечательный, с хорошей идеей, концепцией, режиссурой, сценографией... Но мать моя сказала: «А вы знаете, что на самом деле было намного тяжелее и страшнее?» Даже после возвращения. Эти люди, вернувшись из лагерей, оказались в непростой ситуации. Конечно, все были рады их возвращению. Но этим женщинам было очень трудно адаптироваться, восстановить прежние отношения, ведь их дети выросли без матерей. И они уже не чувствовали прежнюю связь с близкими. Поэтому возник неизбежный конфликт, отчуждение. У возвратившихся была такая позиция: мы пострадали, через многое прошли, а дети наши жили без нас – хотя это трудно было назвать словом «жили» – скорее, существовали с клеймом отпрысков «врагов народа». Друзья не подходили к бывшим заключенным, избегали общения – боялись. Главное – у этих женщин все отняли: квартиры, мебель, одежду и даже фотографии... Я очень советую всем посмотреть спектакль, потому что всегда существует большая опасность того, что старое вернется – пусть даже не в такой ужасной форме. Ведь история часто повторяется.

– **Сегодня иногда забывают об этом... Идеализация личности Сталина существует и в Грузии, и в России.**

– Да, это так. А вот немцы, к примеру, пришли к покаянию и просят у всего мира прощение за Гитлера. Они осознают это как грех, как свой крест. А у нас этого нет. То, что механически внедряется, всегда несет кровь. Понятно одно: на костях нельзя строить всеобщее счастье. Почему христианство было принято у нас так органично, естественно, без насилия? Потому что мы жили так. Это был наш образ жизни.

– **Говорят, что женщины, ставшие жертвами репрессий, не слишком любили вспоминать пережитые ужасы. Ваша бабушка – тоже?**

– Да, есть такое. В течение многих лет эти женщины, дружившие между собой – человек пять, наверное, – все время собирались у нас в доме, и никогда ничего не рассказывали о лагерях. При этом до конца жизни они оставались позитивными, и, глядя на них, никто не сказал бы, что они жертвы, перенесшие невероятные страдания. Это особая закалка того поколения. И они молчали. А подосознательно, может быть, и боялись вспоминать...

Режиссер **Автандил Варсимашвили:**

– Совершенно случайно, во время гастролей в Астане мы оказались в «АЛЖИР»е. Мы знали, что там был лагерь, но не имели представления о том, что это собственно такое. Во всяком случае, я. И когда нам предложили поехать туда, все откликнулись на это с радостью. А я отказался: «Не хочу, это будет очень тяжело!» «Весь театр едет в музей, а я останусь дома, поработаю!» – сказал я жене Элисо. Но она меня постаралась переубедить: «Там же была моя бабушка! Поезжай, возможно, ты

что-нибудь узнаешь о ней!» И я решил все-таки поехать. Лагерь, прямо скажем, оставляет действительно очень тяжелое впечатление. Там есть стена плача – я искал среди фамилий бабушку жены Нину Лаперашвили, но никак не мог найти. И вдруг Люся Артемова позвала меня: «Авто, иди сюда!» Ей удалось обнаружить фамилию бабушки Элисо – она была записана как Нина Орджоникидзе-Лаперашвили. Думаю, люди моего, подчеркиваю, моего поколения очень много знают об ужасах 30-х гг. и сталинизма. Но несмотря на то, что я много знал, читал, видел фильмы, мне показалось, что осталось что-то недосказанное, что нужно еще раз поговорить на эту тему и поставить спектакль об «АЛЖИР-е». И я начал собирать материалы. Самое странное и ужасное, что сохранилось очень мало свидетельств. Потому что сами эти узницы ничего не рассказывали. Они молчали, не хотели говорить на эти темы, старались стереть из памяти испытанный ужас. В какую же ситуацию они были поставлены, если им не хотелось ничего вспоминать, рассказывать даже своим близким! Когда-то моя жена тщетно просила свою бабушку поделиться с ней воспоминаниями – она не хотела возвращаться в те ужасные годы. И аналогично поступали практически все. Поэтому материалов очень мало. Конечно, есть книги об АЛЖИРе. Я все это пересмотрел, прочитал «Крутой маршрут» Евгении Гинзбург. Кстати, оттуда один эпизод вошел в спектакль. Я прочел много произведений на тему репрессий. Я не претендую на роль драматурга и использовал что-то из хроники, очерков, воспоминаний... и в итоге собрал обобщенную историю Женщины, побывавшей в этом аду. Не

уточняя при этом никаких фамилий. В спектакле, правда, звучат какие-то фамилии, но это спектакль не только о них, но и о тех, фамилии которых мы не упомянули. В АЛЖИРе было около 300 женщин из Грузии, и мы не могли назвать всех. Так что наш спектакль – это некое художественное обобщение. И если произносятся какие-то фамилии, то, они, как правило, знаковые – например, Кира Андроникашвили, которая была женой писателя Бориса Пильняка, мать Булата Окуджавы Ашхен Налбандян, жена Евгения Микеладзе – Кетеван Орахелашвили или мать Нодара Думбадзе Александра Думбадзе-Бахтадзе... Мне не хотелось, чтобы это была какая-то психологическая терапия... Важно было другое: показать, что ЭТО было, и оно не должно повториться. А еще отдать дань уважения и преклонения памяти этих людей. Они взяли на себя страдания, как Иисус Христос... Если мы сегодня стремимся к демократии и свободе, к открытому обществу, то в этом заслуга и этих людей. Я обозначил бы жанр своего спектакля так – художественно-документальная драма. Не знаю, можно ли это вообще воспринимать, как драматический спектакль. Но мне хотелось сделать именно такой спектакль. С тихой режиссурой. Конечно, я мог поставить эффектные сцены, где моих героинь мучают, но этого как раз не хотелось. Мне нужно было добиться сильного художественного впечатления минимальными выразительными средствами. Есть перевоплощение и одновременно – отстранение. К этому я и стремился, задумывая спектакль. Этих людей должны помнить мы, внуки, о них должны знать и молодые... Нельзя ничего забывать. ■

Сцены из спектакля «Гикор»

ВЕЧНЫЙ ГИКОР, ПОКА МИР СТОИТ

■ Светлана ИОСЕЛИАНИ

На грибоедовской сцене состоялась премьера спектакля «Гикор» Тбилисского армянского театра имени Петроса Адамяна. Постановку осуществил режиссер Левон Узунян, предложив оригинальную сценическую версию одноименного рассказа классика армянской литературы Ованеса Туманяна.

Левон Узунян отнесся к первоисточнику и его героям с большой любовью и нежностью, поставив спектакль, пронизанный светлой, высокой печалью. Сценическая история деревенского мальчика, не выдержавшего тяжелой жизни в городе, своей пронзительной лирически-сентиментальной интонацией чем-то напомнила произведения Чарльза Диккенса. На наш взгляд, в спектакле адамяновцев отчетливо звучат и

христианские мотивы. Эту тему несет Гикор – образ, отсылающий нас к известной формуле Федора Достоевского о слезинке одного-единственного замученного дитя...

Мальчик Гикор для Левона Узуняна – это вечный образ ребенка, символ добра, невинности и всепрощения.

В спектакле адамяновцев он, по сути, не погибает – в отличие от рассказа Ованеса Туманяна. По мнению режиссера, «дети вечны». «Они не умирают! – считает он. – Гикор вечен своей наивностью и чистотой. И чем больше в нас, взрослых, остается детского, тем мы счастливее!»

При этом режиссер не склонен искать виновных в страданиях «одного-единственного» ребенка. В спектакле нет отри-

цательных персонажей. В трактовке адамяновцев, обидчики Гикора не ведают, что творят. Они вынуждены поступать так, а не иначе. И у каждого – свой аргумент, своя жизненная правда.

В спектакле отражен конфликт между деревенской и городской ментальностью. Гикор, красивый и нежный мальчик, привык жить в атмосфере деревни и искренне не понимает, почему необходимо перестраиваться и становиться другим. Да он в принципе не способен адаптироваться в городских условиях, среди чужих и жестких людей, в капиталистических реалиях и, конечно, изначально обречен! Он тяжело заболевает не от холода, а от отсутствия любви...

– Гикора выдернули, как рыбу, из родной стихии и велели ему жить на суше. А он может жить только в море... В нашем спектакле вся история показана глазами Гикора. Принципиально важно, что он ни на кого не держит зла, поэтому для него не существует плохих людей. «Гикор» – для меня очень близкая тема, – говорит Л. Узунян. – Я обратился к этому произведению в 2012 году – поставил со студийцами дипломный спектакль. И вот спустя несколько лет у меня появилась потребность вернуться к произведению Туманяна и вновь коснуться этой вечной темы – темы добра и любви. Мелодрама – это всегда путь к сердцу зрителя, и наш спектакль, основанный на бессмертной классике, пользуется неизменным зрительским успехом.

В спектакле Левона Узуняна – два плана. Реалистический и мир сновидений, в которых оживают сказки Ованеса Туманяна – «Барекендан», «Масленица», «Непобедимый петух». Это дополняет и углубляет впечатле-

ние от происходящего, делает спектакль объемным, многоплановым. Один из героев спектакля – слуга Васо – перевоплощается в сказочный персонаж. Все это, конечно, расширяет рамки чисто социальной драмы, наполняя ее философским и поэтическим содержанием.

В финале зрителю остается размышлять: погибает ли Гикор? По версии создателей спектакля, мальчик должен выжить! Его задорное «Кукареку» заставляет вспомнить непобедимого петуха-жизнелюбца из туманяновской сказки, который выживает вопреки всему и кричит свое неизменное «Кукареку!»...

Гикора играет студентка театральной студии Вардун Элбакян. Ей удастся передать наивность и трогательность ребенка, его беспомощность перед лицом зла и при этом огромное терпение и жизнелюбие. В образах угнетателей – Базаса и Нато – весьма убедительны Артур Гаспарян и Мари Хачоян. Отца Гикора Амбо сыграл Самвел Элбакян, Нани – Анна Рахтунян. В остальных ролях

– Кристина Тумасян, Артур Григорян, Арам Микаэлян, Ирина Ртищева, Арен Мкртчян, Генрих Петросян, Мари Мартиросян.

Лаконичную, минималистичную сценографию (это дает коллективу возможность гастролировать) – ширмы, воссоздающие то родину Гикора, то традиционный старый Тифлис – предложила Кетеван Харатишвили. Музыкальное оформление осуществил Валерий Амиргян, использовавший известную мелодию Тиграна Мансуряна из картины Сергея Исраэляна «Гикор». Костюмы сочинила Светлана Тарханова, которой удалось передать в них неповторимый национальный колорит.

Премьера адамяновцев – событие радостное вдвойне. Учитывая обстоятельство, что армянский театр уже седьмой год существует без помещения – все это время идет ремонт! Поэтому форма их существования в настоящее время – гастроли по различным регионам Грузии, где компактно проживает армянское население. Спектакли идут с аншлагами.

И МЯГКО КИСТЬ СКОЛЬЗИТ, СОЕДИНЯЯ ВРЕМЯ

■ Марина МАМАЦАШВИЛИ

Выход в свет альбома работ Александры Григорьевны Костюриной-Тавадзе, а затем выставка произведений художницы в Государственном музее народного и прикладного искусства Грузии – события значительные по своей сути. В культурном пространстве Грузии – после долгих лет – вновь возродилось имя художницы редкостного дара, работавшей в сложной технике росписи на шелковых тканях.

Альбом, который предшествовал выставке, ввел зрителя в мир Александры Григорьевны, подготовил к визуальной радости встречи с изящным, тонким искусством, своеобразным театром цвета, пластики линий, формы. Альбом (издатель Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб», руководитель проекта Николай Свентицкий) подготовлен автором-составителем – дочерью А.Г. Костюриной – известной грузинской художницей Олесе Тавадзе. Вместе с группой творческих единомышленников и сотрудников Музея прикладного искусства Олесе Тавадзе удалось создать альбом, который стал и данью памяти матери, и явлением художественной жизни Грузии. Предисловие к альбому, вышедшему на трех языках, Олеса Тавадзе назвала «Магией синей скатерти». Это точно найденное определение стало, можно сказать, путеводным, своеобразным ключом для понимания художественных и творческих приоритетов Александры Григорьевны Костюриной-Тавадзе. Для того, чтобы войти в этот мир, понять его, обратимся к фрагментам биографии художницы.

Александра родилась в 1900 году в семье старинного дворянского рода в украинском городе Бердянске на Азовском море. Припортовый город был интересен и своим местоположением, и личностями, которых привлекали перспективы бурно развивающейся экономики. В 1876 году градоначальником и начальником порта был назначен контр-адмирал П.П.Шмидт – отец Петра Шмидта, возглавившего в 1905 году восстание на крейсере «Очаков». Контр-адмирал содействовал не только расширению порта, но и благоустройству города,

Пимен Тавадзе с супругой Александрой Костюриной

его европейской ориентации. Стоит заметить, что сад, который он заложил на свои средства на Таможенной площади Бердянска, до сих пор носит его имя. Добавим еще один штрих: в этом городе было более полутора десятков аккредитованных консульств, которые защищали интересы многочисленных иностранных фирм.

Шурочка, так звали Александру дома, была старшей сестрой для двух братьев и двух сестер. Окончила гимназию для благородных девиц. Получила прекрасное образование, знала языки, ее рисунки обращали на себя внимание. Ее детство и юность были безоблачными. До того времени, пока на семью, город, страну не обрушилась война и революция. И тут необходимо отметить, что Александра Григорьевна никогда не рассказывала о тех испытаниях, которые выпали на ее долю и на долю всей семьи. Никогда – это слово в большой степени определило в последующие годы ее характер. По скудным сведениям, добытым дочерью, можно сказать, что тяжесть пережитого ею была так велика, что она несколько лет практически вычеркнула из своей жизни и никому, даже близким, не рассказывала обо всем, с чем ей пришлось столкнуться. Не могу не привести слова выдающегося грузинского философа Мераба Мамардашвили, которые точно и емко отражают стиль поведения Александры: «Это особого рода трагизм, который содержит абсолютный формальный запрет отягощать других, окружающих, своей трагедией...».

В 1918 году в городе сложилось тяжелое положение: с севера наступали австрийцы и немцы, за ними шли гайдамаки, с запада отряды белогвардейцев под руководством полковника Дроздовского. Хаос, расстрелы на улицах города и постоянная смена власти. Город переходил из рук в руки. А.Блок в поэме «Возмездие» писал: «Двадцатый век... еще бездомней, Еще страшнее жизни мгла, Еще чернее и огромней Тень Люциферова крыла... И черная, земная кровь Сулит нам, раздувая вены, Все разрушая рубежи, Неслыханные перемены, Невиданные мятежи»...

А. Костюрина в детстве

В грузинском национальном костюме

Что пережила семья Костюриных и юная Шурочка можно только догадываться. Единственным упоминанием о страшных событиях может служить открытка (по всей видимости, привезенная из Англии), на которой в пятницу 22 февраля 1918 года Александра написала: «приезд матросов (босяков) большевиков». Что произошло в тот день, почему она сохранила эту единственную открытку с этой датой, неизвестно.

Известно, что из большой семьи остались только она, ее брат Борис и мать Прасковья Львовна Гончарова.

Она много рисовала, даже в сложные для себя годы: цветы, цветы. Ничего торжественного, помпезного – спокойная, лаконичная эстетика, тонкая игра с оттенками. И только после того, как стали известны факты ее биографии, вспомнились строки Марины Цветаевой: «...За этот ад, За этот бред, Пошли мне сад На старость лет». Эти цветы, возможно, были своеобразным погружением в мир, который остался в ее прошлой жизни, возможно, в сад ее детства. Но годы спустя, уже в другой жизни, в ее работах вновь появляется много, очень много цветов. Произошло обретение другого сада, который принес ей утешение и радость общения с природой.

...В 20-е годы она в Москве, поступила во ВХУТЕМАС. (Можно предположить, что ей пришлось скрывать свое дворянское происхождение). ВХУТЕМАС (Высшие художественно-технические мастерские) был создан в 1918 году на базе Императорского Строгановского художественно-промышленного училища. Школа рисования в отношении к искусствам и ремеслам – так называлась она при своем рождении в 1825 году. Ее основатель граф

Сергей Григорьевич Строганов был, безусловно, дальновидным человеком: он создал школу ремесленников, которых по полному праву можно назвать рукотворцами, поистине творческих людей, умеющих расписывать фарфор и ткани. Среди восьми факультетов ВХУТЕМАСа был и текстильный, который окончила Александра. Руководителем мастерской, в которой она училась, был Павел Пашков, человек глубоких и разносторонних знаний. Он преподавал рисунок, композицию, сфера его деятельности была довольно широка, он с легкостью переходил из одной области в другую и достигал в каждой больших высот. Его называли «духовным кладезем» национальных традиций в прикладном искусстве, знатоком тканей. При участии Павла Пашкова годами позже был создан факультет художественного оформления тканей Московского текстильного института, где он преподавал редкий предмет – историю художественных тканей и костюмов. Среди преподавателей ВХУТЕМАСа были имена, которые вписаны в золотой фонд искусства XX века, историю живописи, архитектуры, скульптуры, прикладного искусства. Вот только несколько из них: Павел Флоренский, Роберт Фальк, Аристарх Лентулов, Федор Шехтель, Давид Штеренберг, Владимир Фаворский.

Этот экскурс в далекую историю понадобился для того, чтобы понять, откуда у Александры Григорьевны была такая любовь к тканям, в частности, к шелку, такое знание специфики росписи на ткани. И каким запасом ранообразных теоретических знаний она была вооружена в годы учебы.

После окончания курсов она перебирается в Ленинград к матери, которой удалось с огромным трудом получить небольшую комнатку (вместо до-

На открытии выставки

ходного дома, которым в свое время располагала в Петербурге семья).

На одной из выставок с Александрой знакомится Пимен Тавадзе, молодой ученый-биолог из Грузии, за которого она в 1936 году выходит замуж. Отныне Грузия - страна новой жизни Костюриной-Тавадзе. Города, деревни, где она бывала и жила, краски, пейзажи, национальные костюмы, ковры, вышивка, хевсурская одежда, головные уборы

Олеся Тавадзе

становятся источником ее вдохновения, притяжения ее таланта, восторженного отношения к грузинской письменности, сочетанию цветов, рисункам, линиям, искусному мастерству рукодельниц. В Тбилиси она начинает работать на шелкоткацкой фабрике художником и в Музее народного и прикладного искусства. Свои авторские работы очень скоро она стала подписывать фамилией Тавадзе на грузинском языке.

Были годы, когда всей семьей они жили в Кахети при Институте виноградарства и виноделия, где работал доктор биологических наук, профессор Пимен Тавадзе. Дома сотрудников располагались между селами Курдгелаури и Шалаури. Какими красками были наполнены для нее пейзажи летней Кахети и особенно воскресные базары, на которые съезжались не только из окрестных деревень, но и везли на арбах свои продукты и товары крестьяне из Хевсурети, Тушети! Александра Григорьевна долгие часы проводила на базаре, вглядываясь в рисунки, запоминая линии, орнамент, делая наброски. Она любила работать и работала неустанно. Приучала к усидчивости, терпеливому и вдумчивому труду свою дочь с малых лет.

– Прыгать и бегать потом, а пока рисуй, читай и записывай впечатления о прочитанном, – таково было ее строгое указание, послушаться которого было нельзя.

Наверно, именно поэтому в Музее, где прошла выставка Александры Григорьевны, на одной из стен - масса рисунков 12-летней Олеси Тавадзе – интересных расцветок, яркие, гармоничные. В этих детских работах ощущим художественный вкус и твердая рука, которая обещала независимый взгляд подлинного художника.

В начале Второй мировой войны мать и брат

Фрагмент панно. 1939

Фрагмент панно. 1941

Александры были в Ленинграде. Прасковью Львовну сын Борис – военный инженер, один из тех, кто прокладывал Дорогу жизни через Ладогу, смог эвакуировать. Но она вернулась в Ленинград. И погибла в блокаду. Была похоронена в братской могиле. Борис стал известным инженером, остался жить в городе, который стал ему особенно дорогим.

И в годы войны и позже Александра Григорьевна продолжала много работать. Ее профессиональным занятием, пожалуй, любимым стала синяя скатерть. Синяя скатерть в Грузии имеет многовековые традиции. Самое раннее упоминание в документах относится к XVI веку, но, как утверждают специалисты, ее делали и гораздо раньше. Синяя скатерть была характерной деталью быта практически во всех домах, как богатых, так и бедных. Обычно ею – парадной скатертью - покрывали столы на большие праздники: Рождество, Пасху, Новый год. И, конечно, украшали синей скатертью свадебные столы. Грузинская скатерть с поверхностью, полностью насыщенной разнообразными узорами и изображениями животных или растений, всегда цвета индиго. Помните у Николоза Бараташвили: «Цвет небесный, синий цвет...Это цвет

Скатерть и косынки

Цветы в кувшине

моей мечты. Это краска высоты. В этот голубой раствор Погружен земной простор...». Скатерть синего цвета приносит в дом спокойствие, он ассоциируется с умиротворением и является одним из важнейших символических цветов магии. По мнению специалистов, это скорее духовный, чем эмоциональный цвет.

Александра Григорьевна работала в сложной технике. За коротким словом «батик» было столько сложнейших движений рук, столько умения, столько мягкого и вместе с тем точного скольжения кистью.

Батик – индонезийское слово. Чаще всего его переводят как капля воска. Однако родиной его является не Индонезия, а Китайская империя, возраст которой – тысячелетия. Именно в Поднебесной умельцы изобрели наилучший для окрашивания в стиле батик материал – китайский шелк, заметим, знаменитый китайский шелк. Почему бы не предположить, что Великий шелковый путь, к которому и Грузия имела отношение, оставил шелковый след и в нашей стране.

Горячий батик может быть выполнен на хлопке или шелке. Воск наносится на ткань кистью. Процесс начинается с нанесения на шелк контуров рисунка. На следующей стадии полотно снова покрывают воском и окрашивают. При использовании техники горячего батика эта процедура повторяется не больше четырех раз, так как при более частом смешивании красок ткань начинает терять качество и интенсивность цвета. Снимают восковой налет посредством глажки окрашенной ткани, предварительно «закутав» ее с обеих сторон бумагой.

Художественная особенность холодного батика в том, что обязательный цветной контур придает рисункам четкий, графический характер. В технике холодного батика используется в основном натуральный шелк. Батик на шелке очень хорошо закрепляется при помощи запаривания. После этого его можно было стирать и гладить, не боясь, что краска смоется или побледнеет.

Костюрина-Тавадзе работала исключительно на шелковой ткани. Сама проверяла прочность деревянных рам для ручного окрашивания ткани. Все делала сама. И рассказывая о том, насколько сложна техника росписи шелковых тканей, нельзя не сказать о том, что процесс этой работы представляет собой, конечно же, единение искусства с ремеслом. Ремесло – понятие, требующее к себе самого уважительного отношения. Пожалуй, это фундамент, на котором рождается художник. В средние века, в эпоху Возрождения, термин «художник» появился достаточно поздно, живописец, скульптор служили званием ремесленника. Живописцы состояли в одной гильдии с фармацевтами, у которых покупали красители. Леонардо, как рассказывают нам истории искусства, помимо, конечно, других «ремесел», любил работать с тканями, занимался дизайном костюмов.

Процесс слияния мастера со своим производением так и хочется назвать волшебным. Ведь всякий сбой, нечеткость, неуверенность, страх, неуверенное владение кистью означает провал. А работы Костюриной-Тавадзе – это изумительные линии и безупречная техника, изящные декоративные рисунки, сложнейшие орнаментальные вариации, сюжетные композиции, которые можно не только рассматривать, но читать как книгу, расшифровывая символы и удивляясь высокому мастерству исполнения.

...Александры Григорьевны не стало в 1978 году. Она уходила, как и жила – без единого слова жалобы. В последний день она слабеющей рукой обводила контуры цветов. Это было ее прощанием с жизнью.

В Джезказганском лагере

Воспоминания

(Окончание)

■ Ганна ЭЛИАВА-МАЛИЕВА

К весне меня с подругой студенткой Елочкой Мураловой направили на месяц на курсы учетчиков-замерщиков тракторных бригад. Затем меня прикрепили к тракторной бригаде, состоявшей сплошь (за исключением меня и заправщицы-КВЖДинки) из «друзей народа» (уголовников. – Ред.), кстати, относившихся ко мне (за справедливость) с предельным уважением – при моем приближении мгновенно прекращался виртуозный мат. В посевную кампанию работа длилась 24 часа – для трактористов в 2 смены, с усиленным питанием (мясо, масло, сахар и пр.), для меня – бессменка, на общих скудных лагерных харчах. Беспредельные поля: овес, ячмень, подсолнух. Отмеривание нормы на рабочий день (для каждого тракториста отдельно), в конце смены – замер проделанной работы, учет горючего, составление сменных отчетов, затем суточных. Трижды в день получение и раздача питания в поле – доверяли только мне лично. Частые приезды проверочных комиссий: «Скорей, скорей, выполнить, перевыполнить и т.п.» Такое перенапряжение – я буквально на ходу засыпала – длилось пару недель, и только молодость помогла его перенести.

К концу зимы в центре нашего лагеря отделения Сарепте организовали «фестиваль искусств». Для этого собрали со всех лагпунктов заключенных, некогда причастных к искусству, выбрали комиссию-жюри и устроили конкурс. На нашем лагпункте не водилось профессиональных работников искусства (за исключением одной оперной певицы), а так как наш «воспитатель» не хотел отстать от других своих коллег, то он сколотил небольшую любительскую группу, включив меня, и мы отправились на концерт в Сарепту. Я выступала в качестве певицы. Спела я русскую песню («Матушка-голубушка») и колыбельную Моцарта – без аккомпанемента, естественно. Жюри мне аплодировало и заставило бисировать колыбельную. Лишь много месяцев спустя я узнала, что завоевала первое место по женскому вокалу и получила премию 15 рублей.

Летом нас гоняли на прополку – тягчайшая работа, особенно под немилосердным казахстанским солнцем. Ранней осенью меня отправили в бригаду конных сенокосилок. Нужно было замерять и учитывать работу пяти сенокосилок в холмистой местности. Траву косили в небольших лежбищах между

Юрий Минаевич Малиев, супруг Ганны. 1957

холмами, по несколько кусочков в день на каждую косилку. Не дай Бог было чего-нибудь не учесть – бригада состояла из одних уголовников. С утра до ночи я карабкалась на горки, с вершин обозревала участки, спускалась, замеряла, снова поднималась и т.д. Ориентировалась я, в основном, по громогласному, далеко разносившемуся мату, сопровождавшему весь рабочий день моих косильщиков. В первый же день от моей обуви отвалились подошвы, которые я перевязала бечевкой. Нескоченные участки все дальше уходили от нашей базы, возвращаться на которую приходилось верхом на неоседланных лошадях и так же выезжать на работу. В результате моим сердобольным бригадиром была составлена анекдотическая докладная (я охромела, не могла сидеть и ходила чуть ли не на карачках): «Прошу прислать моей замерщице бедарку (легкая повозка. – Ред.), так как у нее совсем испортилось известное место от езды на лошадях». Документ этот очень развеселил начальство в Котуре и вскоре меня вернули в Котур.

Поздней осенью нас, большую группу «политических» узниц, отправили на очередной аврал (на зерноскладе мог промерзнуть ячмень). Поместили нас в бывшей конюшне, служившей многократным прибежищем для различных лагерных обитателей. Местами стены были разрушены. Работали мы в три смены, спали на полу, горячего приварка не было, воды для мытья тоже. Никакого отопления. Голодные вши нас одолели. На зерноскладе (огромное помещение, продуваемое насквозь – высокие металлические двери во всю ширь противоположных узких сторон распахнуты настезь), подтаскивание

мешков с зернами в две трети человеческого роста к тригерам и засыпка зерна в машину. Оттаскивание рассортированного зерна к внешним стенкам склада, где их загружали в подъезжавшие грузовики. Тяжелая работа вынуждала к сравнительно частым перерывам, которые мы также проводили активно, чтобы не замерзнуть, танцуя и бегая.

Зимой меня отправили с моей тракторной бригадой работать в МТС в центре – в Сарепте. Там был клуб и регулярно выступала с концертами агитбригада, состоявшая из освобожденных от других работ заключенных, в основном, артистов профессионалов. Бригаду возглавляла артистка Киевской оперы с несколько вибрирующим сильным меццо-сопрано. В составе бригады была известная московская камерная певица (колоратурное сопрано) и артистка оперы Владивостока с совершенно уникальным меццо-сопрано. Все они были «политические». Инструменталисты же были уголовники. Среди них был один чрезвычайно одаренный баянист, он играл по слуху любую классику, придавая своему инструменту звучание целого оркестра, мог подобрать любой аккомпанемент и, конечно, виртуозно играл всякие народные и блатные песни – прямо Яшка-музыкант!

Меня разыскал наш бывший котурский воспитатель (поклонник моего пения) и потащил показаться бригадирше с тем, чтобы я пела на новогоднем концерте (часть бригады была направлена на другие участки для проведения там праздничных концертов). Дотошное испытание в нетопленном клубе в конце декабря (морозы до -30 и ниже) закутанная, в ушанке – при пении шел пар изо рта – я прошла успешно. Три вечера подряд при переполненном клубе (а куда еще пойдешь?) сначала только вольнонаемный состав, потом смешанный и, наконец, контингент заключенных – проходили концерты. На мою долю выпал овационный успех, сильно озлобивший руководительницу бригады. Меня уговаривали перейти на работу в агитбригаду, но, несмотря на несравнимо более легкие условия жизни, я отказалась. Уголовно-богемный характер бригады слишком претил мне.

К концу лета 1940 года, в разгар уборочной кампании, меня сняли с работы и вместе с группой освобождающихся зэков отправили на Карабас. Совершенно не веря в досрочное освобождение (мой срок кончался в апреле 1942 года) – некому было обо мне хлопотать, да и хорошо было известно о бессмысленности каких бы то ни было хлопот, – какой-то намек на надежду поселился в моем сердце, когда начальник лагпункта мне сказал: «Вас, очевидно, вызывают на волю!»

XI

По прибытии на Карабас все стало на свой места. Меня отделили от освобождавшихся и повели в пересылку. Я была направлена в Джезказганский лагерь – Рудник по спецнаряду, как геолог. Эта

специальность закончилась в моей анкете, попавшейся мне на глаза во время одной из очередных лагерных проверок, весьма оригинально: не геолог (во время ее заполнения в тюремной комендатуре я горячо доказывала, что не защитив диплома и не закрепив своих знаний на практике, я не имела права называться геологом).

На Рудник нас отправили двоих: меня и Тоню М. из Баку, телефонистку. Рудник был новым лагерным отделением. На небольшой территории, огороженной колючей проволокой, с наблюдательными вышками, с вооруженной охраной, находились бараки, заселенные, в основном, мужчинами. «Политическая» была в единственном числе – это была врач, жившая вне зоны в фанерно-палаточном бараке. Палатка эта состояла из нескольких отделений. Три крохотных помещения: фармацевтический склад, кладовая и комнатка для врача, – и большая часть – больничная палата на 15 коек, к моменту нашего прибытия заполненная умирающими от пеллагры доходягами. В качестве сторожевой охраны в будке перед входом – один вооруженный часовой. Нас поместили в комнату к врачу, сильно ее уплотнив. На первых порах нам дали «вольное хождение». Врач с утра ныряла в зону на амбулаторный прием, а мы с Тоней расходились по своим местам работы: Тоня на строительство телефонной станции, я – в канцелярию шахты (меднорудные происхождения), где вела специальную документацию. Вскоре стали умирать пеллагрики. Первое время их хоронили в гробах, которые ночью закапывали на холмиках, в 100-150 м от нашей палатки. Балагуры-уголовники, исполнявшие роль могильщиков, любили «отдыхать» со своим скорбным грузом на скамейке, стоявшей с внешней стороны стенки, к которой с внутренней вплотную стояла моя койка. Стукнув гробом об эту стенку, они заливались радостным смехом: разбудили и напугали «чуждый элемент», врагов народа!

Сначала палату пополняли новыми больными, а с приближением ощутимых холодов дали возможность смерти очистить палату (с чем она успешно справилась) и сняли часового (кругом бесконечная снежная пустыня – куда можно бежать?) Пошел снег. Врач переселилась в больницу внутри лагеря, и мы с Тоней остались вдвоем. Посреди бывшей палаты находилась железная печка. Мы перебрались туда со своими койками, разместив их по обе стороны печки. Была уже настоящая зима. У внутренних стенок палатки лежали сугробы снега. Мы с Тоней по очереди дежурили по ночам – подкладывали топливо в печку, поддерживая вечный огонь. Одеяла со стороны, обращенной к стенке, примерзали к койке. Для питьевой воды и умывания мы топили снег, в изобилии окружавший наше жилье. Еду и топливо нам доставляли попеременно то комендант лагеря, то фельдшер. Так как караулить убогие пожитки было некому, мы перестали ходить на работу. Вскоре о нас вспомнило начальство и, воспользовавшись прибытием нового пополнения «политических» женщин, наконец нас поселили в

Ганна Элиава с дочерью Натальей. 1965

зону.

До этого момента было одно впечатляющее событие. С приходом зимы начались массовые смерти от авитаминоза, и на наш сильно разросшийся холмик привозили хоронить ночами целые грузовики, наполненные трупами, которые закапывали в общие ямы. Однажды в мое ночное «дежурство» я услышала жуткие замогильные звуки, идущие как бы из-под земли. В ужасе проснулась Тоня, и мы долго сидели друг перед другом в отчаянии, что очередную партию мертвецов закопали вперемежку с еще дышавшими. Ранним утром мы дали знать в комендатуру о случившемся. Срочно собралась комиссия – лагерная администрация и медчасть и вместе с нами отправились на «кладбище» (никаких специфических опознавательных признаков не имелось – непосвященные вообще не знали, что там производились захоронения). Мы пробыли там довольно долго, внимательно прислушиваясь, но все было тихо. Быть может, мы приняли рев верблюдов, идущих по караванной дороге, проходившей довольно далеко от нашей палатки, за стоны заживо погребенных – животные эти действительно издают пугающие звуки, хотя я не совсем уверена, что ночью караваны не отдыхают. В любом случае, могилы решили не раскапывать – это могло доставить неприятности лагерному начальству.

В зоне меня (Тоню поместили на строительство телефонной станции) поселили в землянке, где находилось еще шесть женщин – три москвички и три грузинки.

С утра нас всех отвозили вместе с мужчинами – все по спецнарядам, под конвоем, и распределяли по объектам. В конце рабочего дня все повторялось в обратном порядке.

Зимой в моей рабочей комнате было нестерпимо холодно. Чернила превращались в лед, пар шел изо рта, и никакие укутывания: ушанки, ватные брюки, валенки, телогрейка, варежки и т.п. – не спасали от унижительной, утомительной дрожи. Холодно, жутко холодно!

Летом же я сидела с холодным компрессом на

сердце, задыхаясь от нестерпимой жары выше 40°; когда меня везли в Джезказган, в преддверии Рудника, была остановка в Кингире, температура была около 70°С – дышать было просто невозможно.

Среди москвичек, моих товарок по землянке, была одна очень интересная личность. Жена выдающегося партийного деятеля старой ленинской гвардии, проведшая свою юность в постоянном общении с семьей Ульяновых, очень интеллигентная, образованная женщина лет пятидесяти. Ошеломляющие события поставили все ее представления с ног на голову, потрясли ее нервную систему в такой степени, что она, казалось, тихо помешалась, хотя в каждодневном общении с нами это не бросалось в глаза. Ночами она не спала, а стояла посреди землянки под источником света (в местах заключения свет ночью обязателен), что-то непрерывно нашептывая. Красивые, правильные черты лица, темные с проседью, прямые волосы, стрижка с челкой, доходящей до больших, пустых серых глаз. Мы ее называли Пиковой дамой. Эти ее ночные бдения спасли жизнь другой моей интересной товарке – Лили Чиковани, студентки медицинского института из Грузии. Бурно переживая свое заключение и

Во дворе родного дома

не находя выхода внутреннему бунту, она решила перерезать себе вены, чему помешала стоявшая недалеко от ее койки «Пиковая дама». Нервный кризис миновал, и Лили осталась жива.

В лагере мы были строго изолированы от мужчин. Медперсонал и администрация, состоявшая из придурков, в счет не шли. С единицами я встречалась на работе – с уголовниками при оформлении ежедневных нарядов – от них я слышала порой фантастические рассказы об их умопомра-

чительной «деятельности», и с политическими – специалистами, работавшими в проектно-отделе шахты.

Один из них был выдающейся личностью. Виктор Викентьевич Шиффер работал в американском посольстве в Москве. Затем приговорен по подозрению в шпионаже к 15 годам заключения в лагерях. Человек этот был широко образован, владел теоретическими знаниями нескольких технических наук, в совершенстве знал много иностранных языков (английский, французский, немецкий, итальянский и др.), светски воспитанный человек, настоящий интеллигент. Во время обеденного перерыва он иногда заходил ко мне поболтать. Со стороны наши беседы должны были выглядеть трагикомически: я в ушанке, пальто, натянутом на телогрейку, в ватных брюках и валенках и он – высокий, тощий, в выцветшем лагерном обмундировании 3-го срока, маленького размера: короткие рукава, короткие брюки, подпоясанный веревкой, на ногах непотребная обувь – сидим и беседуем, как в светском салоне на французском языке на самые отвлеченные темы.

Не могу забыть еще одного феноменально одаренного человека. В противоположность Вик-Вику, это был крайне неприятный в общении человек, резкий, грубый и высокомерный. Обладал он фотографической памятью и образование получил по разным специальностям, читал книги в публичных библиотеках Ленинграда, никогда не посещал вузов. Все прочитанное отпечаталось в его памяти буквально наизусть, и он мог в любой момент выдать справку из своего «банка данных» – где, на какой строчке что написано. Использовали его как горного инженера. В результате внутрилагерного доноса его перевели с легкой работы на общие тяжелые работы: копанье канав по колено в воде. Очень быстро его организм не выдержал и он погиб. Такой необыкновенный человек! Я всегда задумывалась над тем, какое безумное, безрас-судное расточительство со стороны государства было так бесславно, без пользы для себя уничтожать этот золотой фонд человечества, когда они могли, ограничив, если уже по каким-то высшим соображениям это было необходимо, свободу особенно выдающихся людей, использовать этот ресурс! За эту мысль я цеплялась, надеясь чуть-чуть, что этот шанс на спасение жизни моего отца существует. Несмотря на сообщение в прессе о его расстреле, я все еще не верила до конца этой информации. Мало ли что бывает! В лагере ходило столько сплетен... Трудно было себе представить, что мама еще жива – уж очень она была тяжело больна. Правда, в заключении с людьми происходили просто чудесные превращения. Видимо, в результате сильного нервного потрясения, организм весь перестраивается и ряд заболеваний то ли исчезал, то ли уходил на задний план. Во всяком случае, когда я встретилась с мамой в тюрьме, ее обычные периоды ухудшения состояния из-за полициемии не появлялись. О возможной ее смерти

из-за болезни или физического истощения я, конечно, думала, но никогда, несмотря на все несуразности и непостижимость происходящего, мне и в голову не приходило, какой в действительности оказалась ее судьба.

Сама же я жила какой-то полуавтоматической жизнью, держа под постоянным строгим контролем все свои чувства, не позволяя себе ни слишком радоваться, ни горевать, ни верить, ни надеяться, а главное не бояться. Суровые климатические условия Джезказгана вскоре меня доконали. За лютую зиму я замерзла и жестоко застудила весь низ тела. К концу зимы меня, отекающую и обессиленную, поместили в больницу. Болела я тяжело и долго и, очевидно, была на краю гибели, так как эмоциональная моя подруга Лили Чиковани, навестив меня в один из плачевнейших моментов моей болезни, вместо того, чтобы включиться в активный уход за мной (она работала дежурной медсестрой), побежала в нашу землянку и, распустив по мегрельскому обычаю волосы, стала громко плакать, восклицая: «Ганна умирает!» Но я не оправдала ее страхов и, всякой логике вопреки, выкарабкалась из, казалось бы, безнадежного состояния. Вышла я из больницы полнойходящей и использовать меня «по специальности»

уже не стали, вместо этого направили на курсы медсестер. Педагоги у нас были завидные: лучшие специалисты по всем областям медицины. Так, не выходя из зоны, я получила (теоретически) еще одну специальность. Работала я медсестрой на амбулаторном приеме лекпома – вереницы прибывающих новых этапников, их сортировка на «годных» и «негодных» (еле стоявших на ногах) к работе (это делал лекпом, я только записывала). Иногда приходили «свои» доходяги для освобождения по болезни от работы, иногда симулянты (как правило, уголовники, политические терпели свои мучения героически).

Несмотря на то, что Родина с нами поступила несправедливо, известие о фашистском вторжении в 1941 году вызвало необыкновенный подъем патриотических чувств. Мы горячо «болели» за судьбу нашего несчастного народа.

Довольно скоро, через несколько месяцев после начала войны у нас построили «зону в зоне» со строжайшим режимом, в которую поместили большую партию каторжан (на спинах их лагерной одежды красовались написанные крупным шрифтом номера) – из Украины. По нашей зоне они проходили только в баню, окруженные плотным заслоном конвоя. Общение с

Последняя фотография Ганны Элиава-Малиевой

ними было невозможно. Слухи о них ходили самые чудовищные. Говорили, что эти люди, перешедшие на сторону фашистов и совершившие по отношению к своим (даже ближайшим родственникам) изуверские преступления. Так как придурки были довольно малокультурны и малограмотны, а в связи с прибытием большого «контингента» каторжан требовалось срочно разобраться в огромном количестве документов, то к этой работе привлекли и кое-кого из политических. Так в этой внутренней зоне оказался и Виктор Викентьевич. Потрясенный содержанием «дел», с которыми ему пришлось столкнуться, он был на грани помешательства и его быстро избавили от непосильного труда. Незадолго до окончания моего «срока» мне вручили повестку, сообщавшую о том, что меня задерживают на неопределенный срок. Удар я этот перенесла стойко, поскольку была подготовлена к этому: многим пришлось через это пройти. Однако совершенно неожиданно через полтора месяца меня освободили.

(Начало см. в журнале «Русский клуб» N 2-5)

На конференции к 105-летию со дня рождения Г. Элиава

Захарий Палиашвили, сын Ираклий, супруга Юлия Уткина и падчерица Антонида

СЛУЖЕНИЕ МУЗЫКЕ

К 85-ЛЕТИЮ ШКОЛЫ ИСКУССТВ ИМ. А.И. ХАЧАТУРЯНА

■ Мария КИРАКОСОВА

Вопросы детского музыкального образования всегда занимали внимание тбилисцев. Приобщение детей к музыкальной культуре было семейной традицией. Первое место занимало обучение игре на фортепиано; ни один инструмент не мог сравниться с его популярностью.

Музыка в мир учащихся проникла через жизнь города. Главная роль принадлежала оперному театру. Для детей давались дневные спектакли. Их разрешалось посещать только после восьми лет. Любовь к музыкальным спектаклям от старожил и их потомков передавалась бесчисленным «новичкам», и о билетах на удобные места приходилось заботиться заблаговременно.

Для учащихся музыкальных школ выпускались абонементы на концерты-лекции. В мир музыки детей вводили известные

музыковеды; всеобщим любимцем был Павел Васильевич Хучуа с его покоряющим артистизмом и обаянием. Гостями таких концертов порой оказывались гастролирующие исполнители, которые с большой ответственностью подходили к своим выступлениям. Вспоминаю, чем стало меня в раннем детстве выступление Станислава Нейгауза, открывшее путь к пониманию великой музыки, позднее – вдохновенная игра Виктора Мержанова.

Время поступления в музыкальную школу в любой семье становилось поводом для волнения. Конкурсы были очень большие, и предприимчивые родители изыскивали любые средства для покорения желанной «цитадели». В результате способные дети, не имеющие соответствующей «платформы», порой оставались за бор-

том; это было особенно печально оттого, что возраст приема, в особенности по специальности фортепиано, был строго регламентирован.

В современных условиях отношение к музыкальному образованию коренным образом изменилось. Профессия музыканта перестала быть престижной, ее оттеснили экономисты, юристы. Даже на исполнительских, а то и на теоретических факультетах консерватории после приемных экзаменов остаются свободные места, абитуриенты на композиторское отделение уже давно редкость, и лишь «поющие» профессии – вокалисты, хоро-дирижеры упорно отстаивают свой имидж. Сеть музыкальных школ поредела, возраст сохранившихся педагогов зачастую выходит за пенсионный, а молодые специалисты принимаются на работу, если могут привести в свой класс хотя бы двух учеников. Музыкальные училища закрыты, выпуск специалистов со средним образованием прекращен, а обучение в консерватории со-

кратилось до четырех лет с соответствующим ущемлением прав готовых специалистов. Их можно улучшить, поступив в магистратуру, чаще в платную, и таким образом затянуть получение квалификации на два года, что не каждый может себе позволить. «Выжить» в подобных условиях музыкальной школе, краеугольному камню в расшатавшейся системе музыкального образования, дело непростое. Ведь какой затраты сил требует только формирование контингента учащихся, способных выдержать требования учебы, при ставшем произвольным упрощении правил приема? С другой стороны, как добиться хотя бы средней удовлетворительности заработка педагогов на фоне хозрасчета? И, наконец, в какое русло направить преподавание, когда развитие художественного кругозора учеников так тормозит отсутствие финансов для посещения театра, концертов, выставок? Оказывается, выход есть. Отыскались подвижники, которые

Юлия Уткина. 1907

благодаря организаторским способностям и фантазии сумели влить в, казалось бы, обреченное на умирание учебное заведение, живительную струю. В этой школе (тогда она была просто музыкальной) началось мое образование, здесь в разное время учились и продолжают учиться мои внуки, и, невольно став очевидцем многих событий, я решила написать о впечатлениях этих лет. Я поделилась с некоторыми ведущими педагогами намерением уде-

приводят не только вышедшие из ее стен родители, но нередко бабушки и дедушки, с новой силой утвердилась, когда она с таким достоинством вырвалась из тяжелейшего кризиса 90-х годов. Помню, как однажды, сидя в коридоре на площадке нижнего этажа школы, я ждала, когда у внучки закончится урок по фортепиано. Наверху, в нетопленном зале, Тариэл занимался с мальчиком из старшего класса, который талантливо импровизировал на тему песни

Валентина Уткина и Виктор Кувшинов в год свадьбы. Рязань

лить главное внимание личности руководителя школы, и они с большим одобрением отнеслись к этому. «Тариэл Берадзе, главный вдохновитель процесса воспитания будущих профессионалов. Мудрый руководитель и замечательный музыкант, тонко улавливающий нюансы исполнения, он щедро дает ценные советы», — рассказывает Людмила Чекменева. «Моя любимая школа, мой любимый директор, сторонник демократии и либерализма! Обожаю свою работу, безмерно предана ей и испытываю огромную радость, работая в этом коллективе» — вторит ей Светлана Осипова. Заметим, что имя великого Хачатуряна присвоено школе по инициативе Тариэла Берадзе.

Притягательность этой школы, куда по традиции детей

Дунаевского «Сердце» из фильма «Веселые ребята». В порыве восторга учитель включился и стал ему подыгрывать, и вдруг из зала в коридор понесся громовой бас: «К черту эту жизнь! Голод, холод, перебои в электричестве, ночи без света, ну и что же? Ведь с нами музыка! Нам светит наш Рахманинов!». В этом был весь Берадзе.

Теперь в школе успешно разрешен вопрос внеклассной игры, свободного музицирования. С другой стороны, отступила угроза неполноценности образования из-за прекращения филармонических концертов-лекций. Ее предупредила работа над пробуждением в детях навыков искусствоведения, серьезного интереса к вопросам из истории музыки, и даже шире — из истории ис-

Юлия Уткина, Валентина Кувшинова и Лидия Уткина. Рязань. 1923

куств. Педагоги по теоретическим предметам учат ребят писать рефераты, делать доклады, произносить вступительное слово к тематическим концертам, иногда и вести их, а преподаватели исполнительской игры их «озвучивают» музыкальными иллюстрациями. Об уровне проводимых мероприятий можно заключить уже из их перечня: «Искусство Баха», «Бетховен и Рембрандт», «Стиль барокко», «Стиль рококо», «Из истории французской музыки». В концертах, посвященных 165-летию со дня рождения П.И. Чайковского, прозвучали все пьесы из цикла «Времена года», весь «Детский альбом». Здесь было бы уместно поименно вспомнить вершителей этого процесса, играющих педагогов – солистов и концертмейстеров, музыковедов, но получился бы слишком длинный для журнального очерка список. Выделю только уникальный ансамбль – супружеский дуэт Галины Бандуры (скрипка) и Анатолия Данеляна (альт). Также необходимо с глубокой благодарностью отметить деятельность Мананы Бакрадзе, музыканта и выдающегося (без преувеличения) руководителя, человека высочайшей культуры, незаменимого организатора концертов, конкурсов, фестивалей, чей уход из жизни

стал неизбывным горем для всего коллектива.

Тариэла Берадзе я знаю со студенческих лет, затем по непродолжительному пребыванию на посту завуча, а потом директора музыкального училища г. Рустави. Девиз, с которым он идет по жизни, это умение «быть самим собой», чего «люди боятся». Маски «по случаю» Тариэлу всегда были отвратительны. Однажды было назначено комсомольское собрание с темой борьбы против священного писания. Активисты с пеной у рта выступали «по теме». И вдруг слово взял известный златоуст Берадзе. «Как это, – начал возмущаться он, – что плохого вы видите в «Евангелии», которое запрещает убийство, воровство, непочтительное отношение к родителям, прелюбодеяние? Я спрашиваю: что вы можете предложить взамен?» Припоминаю и другой случай, на этот раз на уроке «научного коммунизма». Однажды, пытаюсь доказать, что общественный строй нельзя ввести насильственным путем, наш лектор, скромный и приветливый человек, сослался на «пример»: «Я и Хрущев очень хотим, чтобы социализм был бы повсюду, но мы вдвоем не можем это сделать». Ровно через неделю Хрущева сняли с должности. Студенты с востор-

гом вошли в аудиторию: «Ну, как поживаете вы с Хрущевым?». «Я и Хрущев, – возмущился лектор, – о чем вы говорите, ведь этот негодяй якшался с Тито!»

Действия «вопреки» по отношению к лицемерию, любому проявлению ханженства, характеризуют Тариэла Берадзе в любых ситуациях.

Разумеется, далеко не все, что входило в задачи комсомольцев консерватории (самым бессмысленным было отнимающее массу времени участие в предвыборной кампании в роли агитаторов), шло под знаком минус. Нам нравились так называемые шефские концерты, местные и выездные. Они проводились в школах, на заводах, в специализированных военных училищах, например Тбилисское артиллерийское училище, в школе милиции. От них Тариэл никогда не отказывался, уважительно относился к организаторам и к ведущим, среди которых случалось бывать и вашей покорной слуге, и с удовольствием играл на рояле при любой аудитории. Любовь к выступлениям «на публику» вошла в него с раннего детства, при

Дмитрий Александрович Кувшинов

спонтанном или сознательном участии обоих родителей. Первой его сценой стали актовые залы университета; отец, Пантелеймон Алексеевич Берадзе, был профессором и заведующим кафедрой классической филологии. Малолетний Тариэл успел захватить военные годы, когда университет продолжал отстаивать традицию праздничных торжеств силами профессорско-преподавательского состава с семьями. Пантелеймон замечательно исполнял грузинские народные песни (любимая среди них «Черный дрозд пропевал») – соло, а больше с друзьями. Его жена, Галина Викторовна, воспитанная в семье Кувшиновых (о них позже), получила блестящее домашнее образование – общее и музыкальное. Она любила играть на университетских вечерах Шопена, Листа, эта дама умела отдавать должное и неклассическим жанрам. Ее занимала музыка из «трофейных» фильмов; понравившиеся мелодии она искусно подбирала по слуху, разучивала их с сыном, а потом они вдвоем выступали на университетских праздниках. Видимо, такое общение стало провозвестником дальнейшего превращения ансамблевой игры в любимую форму музицирования.

Ранние концерты запомнились мальчику и незатейливыми гостинцами, которые получали выступающие, и Тариэл гордился, что зарабатывает их своим трудом.

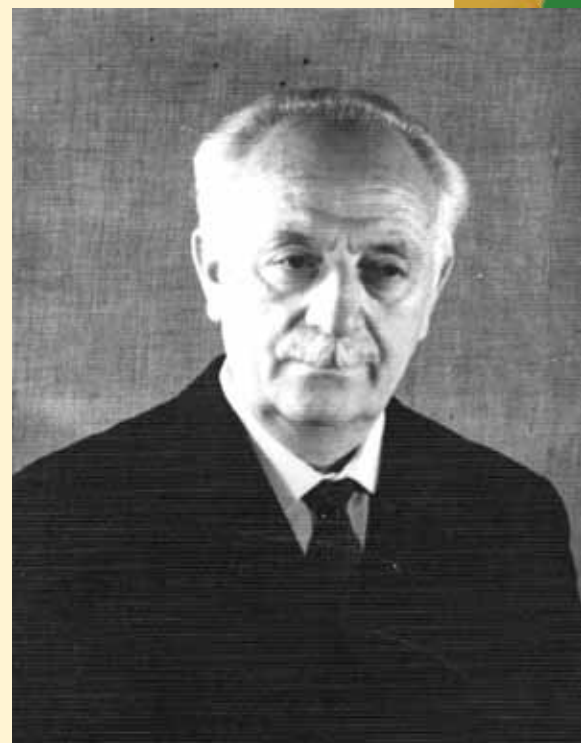
Вольнолюбие, отвращение к низкопоклонству, стремление к независимости Тариэл воспринял от отца. Юность Пантелеймона Берадзе прошла в Кутаиси. Здесь он окончил гимназию с большим запасом знаний греческого и латыни, беззаветной любовью к писавшим на этих языках и основательными успехами в ораторском искусстве. Начало предреволюционной смуты не предвещало ничего хорошего. Усугубились беспорядки. Пантелеймона обязали участвовать в отряде самообо-

роны, и выдали винтовку, но это было ему чуждо, и он навсегда покинул Кутаиси. Новая жизнь началась в Тбилиси, где раскрылось его актерское дарование. Звучный голос, выразительная декламация, ораторский пафос, покоряющая пластика привели его в драматическую студию Акакия Пагава. Молодого человека заметил К. Марджанишвили и пригласил в свою труппу, но, как оказалось, ненадолго. В труппе наметился раскол; его спровоцировала оппозиция деятелей, называвших себя дуруджистами. Они бесцеремонно вмешивались в работу Константина Александровича, критиковали постановки, придирались к распределению ролей. После напряженной борьбы Марджанишвили в знак протеста ушел из театра (1926). Вместе с ним подмости сцены покинула группа преданных ему актеров, и среди них успевший утвердиться в главных ролях, неизменный дублер Пьера Кобахидзе Пантелеймон Берадзе. Видимо, эти события ускорили его решение поступить в университет. Увлеченность культурой античности, знание древних языков привели Берадзе на кафедру классической филологии; ее основателем был выдающийся ученый Григорий Филимонович Церетели. Углубленное проникновение в специальные дисциплины, наряду с европейскими языками (ко времени окончания университета их число дошло до семи), привело к защите кандидатской диссертации (1932) через два года после окончания университета – срок очень короткий даже по теперешним меркам!

В том же году тридцатилетний Пантелеймон Алексеевич женился, и это событие нельзя обойти вниманием; в родословной его избранницы, Галины Викторовны Кувшиновой, интересно скрещиваются корни разных фамилий.

В начале прошлого века в центре Москвы на Тверской возвышался добротный выстро-

енный четырехэтажный каменный дом. Его владельцем был богатый промышленник, купец первой гильдии, поставщик двора Его Императорского Величества Михаил Уткин. Он был женат на Татьяне Шереметевской, сестре Алексея Петровича Шереметевского, преподавателя истории в Московской консерватории. Пламенный почитатель А.Г. Рубинштейна, близкий друг

Пантелеймон Берадзе. 1967

С.И.Танеева и яростный противник политики директора консерватории Василия Ильича Сафонова, Алексей Петрович был заметной фигурой в консерваторских кругах, прославленный бескомпромиссностью, а также поэтическими опусами на злобу дня. Таким было семейное окружение трех дочерей Уткиных, которые получили солидное домашнее образование. Занимаясь с гувернантками, они изучили три европейских языка, рисовали, играли на фортепиано и пели, аккомпанируя себе. Это было настолько серьезно, что Лидия, средняя из сестер, особенно увлекавшаяся пением, была принята в хор Большого театра.

Тариэл Берадзе и Андрей Баланчивадзе после концерта. 1988

В доме Уткиных на первом этаже дома были магазины, третий и четвертый сдавались квартирантам, а хозяин с семьей проживал на втором этаже. Однажды комнату в этом доме, расположенном поблизости от Московской консерватории, облюбовал под жилье некий студент. Уткины охотно поселили у себя прибывшего из Тифлиса молодого человека, который был зачислен на композиторский факультет в класс профессора Сергея Ивановича Танеева. Это был Захарий Петрович Палиашвили. К новому жильцу Уткины отнеслись приветливо, с теплотой, не предполагая, какая слава ждет его впереди; романтическая увлеченность старшей дочерью Юлией завершилась тем, что через год скромный музыкант стал зятем Михаила Уткина. Ровно через год старший брат Захария Иван Петрович, который уже был популярен как дирижер оперных трупп городов России и Грузии, попросил руки средней дочери Лидии. Младшая сестра Валентина к тому времени уже была замужем за Виктором Александровичем Кувшиновым, который принял мужей своячениц как преданный брат, и, ценя их одаренность, щедро оказывал внимание.

Сын богатого судовладельца из Рязани Виктор Кувшинов с детства проявлял тяготение к живописи и много рисовал. Но

своей специальностью он выбрал фотографию, и, получив в подарок от отца студию, сделал такие успехи, что вошел в состав фотографов Его Императорского Величества. Сестры Уткины с семьями каждое лето гостили в его имении под Рязанью. Специально для Захария Петровича было куплено пианино, и с наступлением осени, его, оберегая его от сырости, перевозили в город. Зная, что Захарий увлекается литературой, Кувшиновы на время отдыха окружали его серьезными специалистами. До конца жизни Виктор Александрович фотографировал своего именитого родственника, и его работы неопределимая часть иконографии дома-музея Палиашвили.

В какое время это здание стало принадлежать Уткиным-Палиашвили? После того, как стало ясно, что революция бесповоротно победила, Виктор Кувшинов на положении патриарха разросшегося семейства, предложил сообщая нацелиться на эмиграцию в Германию. Младшее поколение его не поддержало. Европа была им чужда, и на семейном совете решили, что самый лучший вариант обосноваться в «недостижимой» для большевиков Грузии. В Тифлисе на Кирпичной улице №37, впоследствии переименованной в ул. Бакрадзе, для старших сестер с мужьями давно был куплен целый этаж

капитально отстроенного дома, который впоследствии стал музеем Палиашвили. В этом доме по приглашению родственников и поселился Виктор Кувшинов с женой Валентиной и дочерьми Ией и Галиной. Фотографией он продолжал заниматься в собственной студии, выстроенной на Сололакской улице в переулке около знаменитого магазина, так называемого «особторга».

Родство Палиашвили-Уткиных не задержалось на «двойственном» союзе; Юлия Михайловна стала женой Захария Петровича, имея от первого брака дочь Антонину. Когда она подросла, в нее влюбился и незамедлительно женился последний из братьев Палиашвили Николай Петрович. Так родилась Юлия-младшая – ребенок, который вернул к жизни Захария Петровича из депрессии после смерти единственного сына Ираклия. Маститый композитор всей душой привязался к прелестной девочке, удочерил ее, дав отчество, и много сил вложил в раскрытие ее неординарных музыкальных способностей. Став звездой оперной сцены, Юлия через всю жизнь пронесла благодарность своему духовному отцу.

Вернемся к зятю Кувшиновых Пантелеймону Алексеевичу Берадзе и его младшему сыну Тариэлу (старший сын Леги пошел по стопам деда, став художником).

Читатель знаком с ролью матери в музыкальном детстве Тариэла, последовательной продолжательницей семейного уклада и этикета Уткиных-Кувшиновых, где спокойствие и выдержанность были главными правилами воспитания детей. Интеллектуальный заряд во многом шел от детских наблюдений за деятельностью отца. Видя, как он с раннего утра сидит за письменным столом, окруженный книгами, Тариэл решил посвятить жизнь чтению. Он без разбору уносил книги из семейной библиотеки (повести и романы русских и западно-

европейских авторов; к поэзии он пришел гораздо позже, став незаурядным знатоком и декламатором русских и грузинских стихов), не заботясь о том, насколько они ему по возрасту. Мальчика завораживал шрифт старинных изданий, он поглощал их запоем.

А как шло развитие устной речи? Здесь имели значение установившиеся в семье традиции, возводившие привычки в ритуал. Ритуалом было утреннее чаепитие с конфетами «Мишка на севере», ритуалом стали приемы гостей. Гости приглашались выборочно, с согласия хозяйки. Домашние пиры собирали своих участников для духовного общения, которое также шло по правилам. Произносимый тост должен был выявлять не красноречие тамады, а индивидуальность адресата. Между тостами наперебой рассказывались свежие анекдоты (не дай Бог, если закрадывалось повторение!), звучали остроумные реплики, вперемежку с ними многоголосные песни, и – споры, споры, споры! Здесь уже допускалась повторность, и всегда актуальный вопрос о преимуществе перевода «Витязя в тигровой шкуре» – Нуцубидзе, Бальмонта, Заболоцкого или Петренко, оставался нерешенным. Споры перебивались грузинскими танцами, стихия которых была так близка Пантелеймону Алексеевичу; от студентов университета я с давних пор знала, что доказательство родства античного гекзаметра с грузинским хоруми во время его лекций обычно сопровождалось плясовыми па.

И, конечно, над всеми темами парила – античная литература, предмет бесконечного изучения и обучения, декламации, артистических диалогов и переводов. Первый перевод, сделанный П.Берадзе в 1938 году для батумского драматического театра – «Царь Эдип» Софокла – оброс историей, ставшей семейной легендой. Дело в том, что Пантелеймон Алексеевич

был также страстным болельщиком футбола. После премьеры «Эдипа» состоялся футбольный матч. Блистательная победа тбилисского «Динамо» привела ученого в такой восторг, что он, не задумываясь, устроил для любимой команды банкет в ресторане на всю сумму полученного в день матча гонорара.

Свободное от работы время щедро отдавалось художественному чтению, любимой формой которого были диалоги из античных трагедий. Тариэл навсегда запомнил двух замечательных партнерш отца в этих импровизированных чтениях – Верико Анджапаридзе, приходившую за консультацией перед выступлением в «Медее», и великую Анастасию Папатанасиу во время ее тбилисских гастролей.

Приобщение Тариэла к миру античности оказалось судьбоносным в его служебной карьере. Однажды молодой музыкант присутствовал при встрече отца с композитором Ираклием Геджадзе, директором первого музучилища, который намеревался написать оперу на сюжет «Медее» Эврипида. Тариэл вступил в разговор, и гость был удивлен глубиной полученной информации и оперативным мышлением собеседника, по видимому, уже тогда решив пригласить его сотрудником.

Т. Берадзе тогда работал в методкабинете Министерства культуры Грузии под руководством Этери Киладзе. Считая ее ценным руководителем, он начал заниматься переводом московских учебных программ с русского на грузинский. Вскоре его стали включать в комиссии по определению уровня преподавания. К этому времени он имел сложившиеся принципы отношения к учебному процессу. Главный – убеждение: «если непрофессионал чувствует себя на ответственной должности хорошо, профессионалам приходится плохо». Но при этом может нависнуть опасность искушения максимализмом:

Тариэл Берадзе

«важно вовремя заметить, и не навредить».

В 1965 году И.Геджадзе пригласил Тариэла на работу в 1-е училище, сначала как концертмейстера, затем заместителя директора по педагогической практике. Проведенные здесь 12 лет Берадзе вспоминает как «царство гармонии служителей музыки» – так способны были ученики и так талантливы их преподаватели. Гиви и Алла Мунджишвили (хоровое дирижирование), Джемал Мдивани (вокал), Цира Камушадзе (фортепиано), Галина Букач (теория музыки), Елена Карамгозишвили (история музыки): он успел застать плеяду славных представителей «старой гвардии»; это были пианисты Е. Абелишвили, Б. Рустамбегов, А. Насибова, Е. Псарова, сестры Е. и Н. Халатовы.

Следующий этап – Руставское училище, где поначалу директором был Анзор Эркомашвили, с прославленным отделением хорового дирижирования. Я тогда преподавала на теоретическом отделении и скажу с полной ответственностью, что Тариэл Пантелеймонович, сделавшись директором, стал нашим небожителем.

КАПИТАН «ЗОЛОТОЙ» КОМАНДЫ

■ Демико ПОЛАДЗЕ

В 1964 году тбилисское «Динамо» стало чемпионом Советского Союза. Капитаном этой золотой команды, которую украшали первоклассные мастера, был Шота Яманидзе – настоящий рыцарь не только на футбольном поле, но и в жизни.

Ш. Яманидзе никогда не отступал перед трудностями, был примером для друзей своими качествами: воспитанностью, силой воли, всегда умел протянуть руку помощи, подставить плечо в трудную минуту. Кто посчитает, сколько раз пленяла одноклубников блестящая игра Шота, сколько раз он заставлял трепетать своих спортивных противников, когда ураганом проносился по зеленому полю.

К сожалению, молодое поколение очень мало знает о футболистах 60-х годов XX века, которых поклонники боготворили. День, когда команда «Динамо» проводила встречу в Тбилиси, был настоящим праздником. В те годы на тренировки «Динамо» приходило намного больше людей, чем сегодня – на его игру. А самым счастливым был тот, кто мог достать билет на стадион.

Шота Яманидзе родился 15 марта 1937 года в Тбилиси. Рос в маленьком дворе на улице Вар-

цхской (ныне ул. Рима), здесь же учился со сверстниками и играть в футбол. Игрой выделялся среди мальчиков своего возраста и поэтому решил учиться в 35-й специализированной футбольной школе, несмотря на то, что родители не были в восторге от выбора сына. Дебют Ш. Яманидзе в составе «Динамо» Тбилиси состоялся при встрече с одноименным клубом киевлян 14 августа 1954 года, где его вывели на поле левым крайним. Его техника, физические способности давали надежду, что он станет ведущим игроком команды.

Болельщики со стажем хорошо помнят отличающийся от всех, специфический бег Яманидзе. Ему определили тренера по легкой атлетике для улучшения манеры бега, хотя он с пренебрежением говорил: «Для чего мне легкоатлет?». А заслуженный тренер Георгий Баканидзе с юмором ему замечал: «С твоим бегом какой из тебя выйдет футболист?». По его же воспоминаниям, Шота отвечал: «Дядя Жора, вот увидите, какой футболист из меня получится, и тогда вы сами купите мои снимки...». Через несколько лет после этого разговора «Динамо» Тбилиси завоевало звание чемпиона СССР,

Шота встретил Георгия около 35-й школы и попросил сесть к нему в машину: «У меня к тебе дело». Баканидзе согласился, не думая о замысле Шота, так как давно забыл тот разговор. На площади Марджанишвили Яманидзе попросил выйти его из машины. Когда они приблизились к газетному киоску, Шота обратился к продавцу: «Этот человек не верил, что я стану футболистом, продайте ему мой снимок». Конечно, Баканидзе тут же вспомнил все. Это фото, как и воспоминания о Шота, Георгий хранил с большой теплотой.

Ш. Яманидзе играл в «Динамо» под руководством нескольких тренеров. В команду его привел Борис Пайчадзе. «Футбольный Карузо» был для него кумиром, перед которым он преклонялся. Андро Жордания говорил: «Какой прекрасный парень был Яманидзе, он мог все, как целая команда».

Выдающийся тренер Михаил Якушин близко познакомился с Яманидзе в 1962 году, когда возглавил тбилисское «Динамо». Он и раньше был знаком с Шота, знал ведущего игрока, который выделялся ярким футбольным мышлением. Во время работы в команде «Михей» (как звали

1963 г. «Динамо» Тбилиси. Ш. Яманидзе, С. Котрикадзе, Б. Сичинава, Г. Чохели, З. Калоев, Дж. Зеинклишвили, М. Хурцилава, Г. Петриашвили, В. Баркая, С. Метревели, М. Месхи

Ш. Яманидзе - душа команды

тренера в команде) убедился в замечательных личностных качествах Шота: у него со всеми игроками были отличные отношения.

М. Якушин вспоминал такой эпизод: «В конце одной из календарных встреч я заменил Шота. Этот факт вызвал ажиотаж. А сам Шота после этого сблизился со мной и поддерживал любое мое решение, касалось ли это дисциплины или учебно-тренировочной работы».

Гавриил Качалин охарактеризовал Ш. Яманидзе как пример для подражания. Для иллюстрации большого авторитета Шота он вспомнил выборы капитана команды, когда во время тайного голосования его выбрали единогласно. «Он был истинным капитаном, – сказал Качалин. – Миссию капитана команды Шота выполнял достойно. В любой критической ситуации своими личными действиями он всегда восхищал одноклубников. Согласно моему глубокому убеждению, Шота Яманидзе был одним из лучших капитанов нашего футбола».

На протяжении всей жизни автор этих строк говорил о футболе со многими известными деятелями литературы и искусства, представителями спортивного

мира. Вот их воспоминания о Шота Яманидзе.

Один из лучших игроков всех времен тбилисского «Динамо» Муртаз Хурцилава в сезоне 1964 года из-за постоянных травм провел только 8 встреч и остался без золотой медали. Из-за этого он переживал, но на всю жизнь запомнил эпизод, который произошел в раздевалке динамовцев в Ташкенте после игры. «Вдруг я почувствовал на плече чью-то руку, – вспоминает Муртаз, – обернулся, это был Шота, наш капитан. Он обнял меня, отвел в сторонку и необычайно теплыми словами успокоил. Сказал, что не стоит опускать руки, что у меня все еще впереди. После этих слов я почувствовал душевную легкость, перестал с горечью думать о золотой медали».

Один из лучших вратарей всех времен Лев Яшин подчеркнул самобытность, оригинальную манеру игры Яманидзе и добавил, что в грузинском футболе не было недостатка в звездах: Пайчадзе и Гогоберидзе, Месхи и Метревели, Хурцилава и Чохели, Маргания и Котрикадзе. «Шота Яманидзе, – сказал Яшин, – особенный, уникальный футболист, великий гражданин, каким и должен быть настоящий

капитан и лидер команды. Он все отдал футболу, и футбол отплатил ему любовью. Его любили все – и члены команды и противники. Он был особо корректным и легким. Шота Яманидзе прославил не только грузинский, но и советский футбол».

Актер Кахи Кавсадзе и Шота Яманидзе в детстве жили в одном районе Старого города. Кахи Кавсадзе считает, что среди друзей Шота выделялся, его все любили и уважали. И он оправдывал такое отношение. Шота Яманидзе был прямым, правдивым, благородным, настоящим мужчиной до конца своей недолгой жизни.

Известный вратарь прошлых лет Владимир Маслаченко отвел особое место в грузинском футболе Яманидзе: «Ни в прошлых и ни в последующих поколениях, – сказал мне известный комментатор, – я не вижу такого блестящего мастера, если не считать Кипиани, который так прекрасно играл в коллективный футбол. Для нас он представлял проблему. В первую очередь нужно было его нейтрализовать. Но сделать это было сложно. Что касается наших взаимоотношений, к счастью, мы много раз встречались. Шота ничего не скрывал от своих друзей. Это был человек чистой души».

Известный журналист Юрий Ваньят в разговоре о Шота Яманидзе вспомнил крылатую английскую фразу: «Хороший хавбек – означает хорошую команду» и добавил, что он мало знал футболистов, обладающих таким талантом комбинационной игры, как Шота.

Один из сильнейших нападающих тбилисского «Динамо» Вла-

Шота Яманидзе и Слава Метревели

димир Баркая выступал более 10 лет в команде вместе с Шота. Он считал его мастером дриблинга, очень техничным и игроком большого диапазона, который видел поле в целом. Он хорошо играл как в нападении, так и в полузащите. Владимир Баркая считает несправедливым, что такого футболиста лишили возможности выступить в сборной СССР, хотя он был выбран капитаном олимпийской команды. Он должен был играть против Пеле. Но его мечта не сбылась. И он с трибуны наблюдал за игрой короля футбола.

Профессор Тбилисской государственной консерватории, музыковед Гулбат Торадзе является большим знатоком спорта, в частности, футбола, он посвятил несколько книг этому любимому виду спорта. «Шота Яманидзе запомнился любителям футбола как спортивными, так и своими личными качествами. Это был высокотехничный футболист с прекрасными кондициями, универсал, блестящий организатор, обладал талантом комбинационной игры и в то же время обладал свойствами завершающего атакующего».

Композитор Важа Азарашвили, автор популярной песни «Динамо, Динамо!», является фанатом грузинского футбола. Он считает Шота Яманидзе интеллигентом, образованным человеком и эти качества не раз проявлялись в его игре. И в целом он уверен, что Яманидзе был сердцем и душой команды, друзей, многотысячной армии болельщиков.

Известный ученый и знаток спорта академик Роин Метревели считает Шота Яманидзе блестящим спортсменом и челове-

ком, одаренным высоким интеллектом: «С ним можно было обсуждать как спорт, так и поэзию. Он был благородным человеком и свои знания (по профессии был инженером-строителем) безвозмездно отдавал народу и стране. Рано ушедший Яманидзе оставил в сердцах друзей, родственников и всего грузинского народа непомерную скорбь. И по просьбе общественности гражданская панихида и вынос состоялся из Дворца спорта. В последний путь его провожала вся Грузия».

Близкий друг Шота Яманидзе Автандил Сакварелидзе считал, что Шота во всем был настоящим мужчиной. «Наше «Динамо» в 1964 году стало чемпионом Советского Союза и эту команду условно называли «командой Яманидзе». Не только в футболе, но и в жизни Шота не мирился с поражением, всегда стремился к победе».

Отар Миминошвили, доктор исторических наук, профессор, бывший ватерполист, был близким другом Яманидзе: «Шота Яманидзе, в бытность его управляющим строительным трестом №1 Министерства сельского хозяйства, был командирован в г. Кутаиси. Конечно же, было организовано застолье. Хозяева предложили тосты за Яманидзе, как за управляющего трестом, и Шота был обижен. Он тихо сказал Отару: «В первый раз за меня пьют не как за футболиста, а я ведь спортсмен».

Строитель профессор Тамаз Шилакадзе справедливо отметил, что Шота Яманидзе как спортсмен и как человек не был оценен по достоинству: «Сегодняшняя молодежь ничего не зна-

Начало шестидесятых. В составе Олимпийской сборной СССР

ет о нем и его членах команды, которые совершили настоящий переворот в футболе. Считаю, что Шота как личность стоял намного выше, чем спортсмен. Хотя мы все знаем, какой величины звездой он был». По мнению Тамаза, Яманидзе был награжден орденом народной любви.

Шота Яманидзе любили не только знакомые, но и все. К сожалению, я с ним встречался всего несколько раз в Уреки, где он отдыхал с семьей. Он приезжал во время краткого отдыха в период футбольных чемпионатов. Фанатически влюбленные в футбол мальчишки с нетерпением ждали встречи с ним. Летом 1963 года все жители Уреки с волнением ждали его приезда. Мальчишки собрались около его дома и, не дав ему передохнуть, начали играть в мини-футбол. Все хотели попасть в команду Шота, которой победа была гарантирована.

Однажды вечером я смог с ним поговорить и спросил о турне по Южной Америке 1962 года

Олимпийской футбольной команды СССР, капитаном которой был Шота Яманидзе.

В прессе была опубликована статья о том, что в Сан-Паулу при встрече с «Сантосом» ленинградец Станислав Завидонов смог нейтрализовать Пеле. Это был первый вопрос. Шота улыбнулся и после паузы сказал нам: «Футболиста, который сможет нейтрализовать Пеле, я еще не встречал». Этими словами он не оскорбил своего коллегу из «Зенита». За день до встречи с «Сантосом» именно Шота должен был опекать Пеле, хотя почему-то тренеры команды передумали и вывели на поле вместо него Завидонова. Мечта Яманидзе сыграть против короля футбола Пеле не сбылась. «Самая красивая страница моей спортивной биографии осталась незаполненной», — с печальной улыбкой сказал Яманидзе.

Третье поколение тбилисского «Динамо» и лично Шота Яманидзе проложили дорогу нашей команде, которая в последующие годы еще раз стала чемпионом, дважды завоевала хрустальный кубок СССР и в 1981 году в Дюссельдорфе стала обладателем Кубка кубков европейских стран.

Наша последняя встреча с Шота была в 1971 году в Институте сельского хозяйства Грузии, мы договорились о просторном интервью. К сожалению, эта встреча не состоялась. По Грузии распространилась трагическая весть: Шота Яманидзе погиб в автокатастрофе. Причиной аварии послужила яма, которую срочно в тот же вечер засыпали.

И по сей день у меня близкие и теплые отношения с членами семьи Яманидзе, дружеские отношения с его внуком Шотико Яманидзе. Жаль, что юноша не застал своего известного дедушку. Но лучше послушаем самого Шотико: «Я никогда не видел деда. Очень рад тому, что члены его команды, друзья и знакомые характеризуют его положительно и не жалеют комплиментов в его адрес. В моем представлении он был великим человеком. Я ношу его имя и фамилию и это большая ответственность».

Участники грузинской команды в Пушкинском сквере

СПОРТ ДАРИТ РАДОСТЬ ОБЩЕНИЯ

■ Александра Анисимова

В столице Татарстана с 14 по 22 мая проходили III Всемирные игры юных соотечественников. 600 детей и подростков из 48 стран мира съехались в гостеприимную Казань для участия в соревнованиях по самым популярным среди школьников видам спорта: шахматам, плаванию, мини-футболу, стритболу (баскетбол 3x3), настольному теннису.

Главные задачи этого поистине благородного проекта – укрепить связи между представителями подрастающего поколения соотечественников, живущих за пределами России, и популяризация юношеского спорта.

По инициативе главы Координационного совета организаций российских соотечественников Грузии, президента «Русского клуба» Николая Свентицкого в III Всемирных играх юных соотечественников приняли участие дети из разных регионов страны, специально для них были пошиты спортивные костюмы молодыми грузинскими дизайнерами. В составе делегации из Грузии были шахматисты, подготовку которых осуществляла опытный тренер из Батуми Светлана Утянская. 12 юных спортсменов из Грузии участвовали в трех видах спортивных соревнований. Результаты оказались впечатляющими: по настольному теннису и шахматам грузинские спортсмены вошли в первую десятку – теннисисты заняли четвертое место, а шахматисты – пятое.

Помимо спортивных состязаний участников ждали сюрпризы – встречи и знакомства со звездами мирового спорта – многократными чемпионами мира и Европы, обладателями высших спортивных регалий – Анатолием Карповым, Ириной Родниной, Николаем Валуевым. Главным судьей соревнований был двукратный призер Олимпийских игр, призер чемпионата мира и Европы Ирек Зиннуров. Партнером Игр второй год подряд является банк «Югра».

Участников Игр порадовала по-праздничному насыщенная культурная программа: экскурсии, от-

Кобалиа

крытые уроки, встречи, мастер-классы, дискотеки. Юные спортсмены приняли участие в международном форуме «Молодые соотечественники против терроризма». На «Аллее соотечественников» их руками были высажены сотни деревьев. Среди почетных гостей этой акции был уроженец Батуми, депутат Государственной Думы РФ, член правительственной комиссии по делам соотечественников за рубежом, сопредседатель оргкомитета Всемирных игр Отари Аршба. Яркой и исключительно познавательной была конкурсная программа «Визитная карточка». Ее участники рассказывали о странах, в которых живут. Стоит отметить, что делегация из Грузии заслужила горячие аплодисменты и самую высокую оценку.

Интерес не только для участников, но и многочисленных зрителей вызвала интеллектуальная игра «Диалоги на русском», позволившая проявить и, конечно, расширить свои знания о русской культуре, литературе, истории, географии и языке. С юными соотечественниками занимались представители программы «Послы русского языка в мире».

По словам знаменитой спортсменки Ирины Родниной, которая возглавляет Всероссийскую федерацию школьного спорта, Всемирные игры – это не только и не столько спорт. И действительно, этот замечательный турнир дал детям и подросткам возможность получить радость от общения друг с другом, много удовольствия от встреч и приобретенных знаний. Именно так закладываются основы взаимных симпатий и понимания. А это фундамент в будущем для мира и спокойствия на земле.

SINCE 1884

SARAJISHVILI

ს ა რ ა ი შ ი ვ ი ლ ი

*К 870-летию
Москвы*

**ФОНТАН-РОТОНДА «АЛЕКСАНДР И НАТАЛЬЯ».
УСТАНОВЛЕН 6 ИЮНЯ 1999 ГОДА В ЧЕСТЬ
ДВУХСОТЛЕТИЯ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А.С. ПУШКИНА**

ФОТО ОЛЬГИ СОХАШВИЛИ-НАЙКО